

OLGA GREENWELL

Ольга Гринвэлл

Моя чужая

«Топ Груп Бук»

2022

Гринвэлл О.

Моя чужая / О. Гринвэлл — «Топ Групп Бук», 2022

Что делать, если в тебя влюбились сразу два парня? Перед Олей встал сложный выбор, ведь и Артём, и Никита ей одинаково дороги. Разум молчит, а сердце неистово бьётся рядом с каждым из них. Кому же из них придётся отступить и стать лишним – властному и циничному Артему или великодушному и дипломатичному Никите?

© Гринвэлл О., 2022

© Топ Групп Бук, 2022

Содержание

Пролог	5
1	7
2	9
3	12
4	14
5	20
6	26
7	31
8	35
9	42
10	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Olga Greenwell

Моя чужая

Пролог

*«Будите меня только если придут плохие новости;
а если хорошие – ни в коем случае»*

Наполеон I

Я вышла из душного, за день осточертевшего, помещения травмпункта, и меня тотчас же накрыло обалденно свежим ароматом весны с горьковатой примесью набухших почек и льдистым запахом остатков снега, чёрными корочками лежавшего вдоль дороги. С минуту просто стояла, впитывая эти ощущения и в который раз обещая себе наслаждаться каждым днём весны, каждой минутой, каждым мигом. Я откинула капюшон куртки – пусть ветер вольно трепет мои волосы. Хотелось прыгнуть со ступенек прямо в огромную лужу под ними, совсем как в детстве, и вприпрыжку бежать до трамвайной остановки. Жаль, что некому меня поддержать, да и вряд ли бы сотрудники и пациенты травмпункта, где я работала, поняли меня. Я уже представила, как они перешептываются, жалея меня, сваливая мое странно-буйное поведение на стресс и усталость, поэтому, разрешив себе помечтать, спустилась вниз по разбитым временем ступеням и, чеканя шаг, направилась к остановке.

* * *

Пока ехала в трамвае, задалась мыслью – отчего у меня такое бесшабашно-веселое настроение именно сегодня? Обычный день и поводов для радости абсолютно никаких. Даже наоборот: вся неделя без выходных и пациенты с переломами кистей рук и лучевых костей шли один за другим, словно по конвейеру. А домой, который и домом назвать было нельзя, хотелось идти ещё меньше. Там уже поджидала мама, беспрестанно пилившая меня с тех пор, как два месяца назад я ушла от мужа.

Уже подходя к подъезду, я поняла причину хорошего настроения – чувства горечи и разочарования из-за неудачного брака, наконец, отпустили, и я стала снова свободна и открыта для жизненных удовольствий. И, как ни странно, произошло это именно сегодня – я обязательно должна запомнить этот день – пятого марта.

Мама встретила меня укоризненным взглядом на мои забрызганные грязью ботильоны.

– Оль, в следующий раз разувайся за дверью. Хоть бы раз пол помыла.

– Прости, мам.

Я отвернулась, чтобы скрыть раздражение, иначе потом не отбиться от упреков. Сколько себя помню, никогда не слышала от матери ни похвалы, ни слова поддержки, они с Артёмом были два сапога пара, и уход от мужа мало чего изменил в моей жизни.

– Тебе, кстати, какая-то девица звонила.

– Какая девица? – переспросила на всякий случай, прекрасно понимая, что мама даже не удосужилась спросить имя звонившей. Какой смысл тогда сообщать мне? – Что она хотела?

– Откуда мне знать? – услышала, пока тщательно мыла руки. – Какая-то Полина.

Полина? Единственная Полина, которую я знала, работала в Склифе в отделении хирургии. Пока я там проходила практику в травме, мы успели подружиться. Несмотря на то, что она была замужем и у неё росла маленькая дочка, наши интересы странным образом совпали.

Странно, если это и вправду звонила мне Полина – пути наши разошлись, и мы не виделись с ней больше года.

Наскоро поужинав тем, что отыскала в холодильнике, я, закрывшись в своей комнате, отыскала старую записную книжку. Поля ответила сразу, словно ожидала моего звонка.

– Привет, – голос, несмотря на нотки усталости, был радостным. – Сто лет не виделись. Как поживаешь? Не обзавелась детьми?

– Всё хорошо, Полин. Детей нет. Я подала на развод с мужем.

– Ой, прости, не знала.

– Ерунда, – в этот момент я поняла, что и впрямь это ерунда, стало дышать намного легче, свободнее.

– Слушай, ты прости, но я позвонила тебе по важному делу, – Полина немного замялась. – Мы разыскиваем мать одного из пациентов, а мой Майкл случайно ляпнул, что ты знаешь эту женщину. Вот я и решилась тебя побеспокоить.

– Господи, Полин, ну о чем речь, какое беспокойство! Только вряд ли я знаю родителей своих пациентов.

– Ее зовут Маруся Лаврова.

Я вдруг почувствовала, как весь воздух вышел из лёгких, стало нечем дышать. Кажется, Полина что-то ещё говорила, но я не слышала ее – так грохотало сердце.

– Оль, Оль, ты слышишь меня?

– Что с Никитой? – губы, казалось, онемели и едва шевелились.

1

Никогда не знаешь заранее, что встретишь кого-то очень важного. Не бывает никаких предупреждений. Ты просто поднимаешь глаза и вот она.

(How I met your mother) Тед Мосби

Оля

С Никитой и Артёмом мы дружили со школьной поры. Вполне возможно, мы не стали неразлучной троицей, если бы не стечение обстоятельств. Первый, с кем я познакомилась, был Никита. Все началось в один из жарких июльских деньков, в самый разгар школьных каникул, когда большая часть подруг разъехались по дачам и лагерям, и только немногие оставались в городе, слоняясь по запылённым улицам в поисках развлечений.

Наше с Риткой развлечение приносило огромную пользу и сеяло добро – по крайней мере, мы свято в это верили. Каждый день мы выходили с подружкой на «работу» – гуляли в парке и, приметив какое-либо дерево со сломанной веточкой, накладывали шину. Почти все деревья в округе были излечены нами и с благодарностью размахивали нам вслед ветками и колыхавшимися по ветру бинтами.

Набитая медицинскими принадлежностями сумка заметно полегчала, и я вприпрыжку бежала к дому – было время ужина. Шнурки на кедах развязались и стелились позади, увеличивая вероятность моего падения. У меня не было времени, чтобы останавливаться и через каждые пять метров их затягивать. Позади семенил Дик – бездомный пес, которому мы с Риткой по очереди таскали сосиски и вареную колбасу. Мама постоянно удивлялась, не понимая, куда пропадает из холодильника еда. Дик явно хотел, чтобы я с ним поиграла, но я торопилась. Мама ужасно не любила, когда я опаздывала к ужину – ворчала, сердилась, чересчур громко звякала столовыми приборами, что закладывало уши. На мои объяснения ей было наплевать, и то, что мы вдвоем с Риткой выполняем важную санитарную работу, злило маму ещё больше.

Ещё издали я увидела большой мебельный фургон, раскорячившийся у самого подъезда. Пройти было невозможно из-за грузчиков, которые беспрестанно вытаскивали из недр грузовика какие-то вещи и ящики. Попрыгав вокруг в неудачной попытке просочиться внутрь, я присела на лавку. По-любому опоздала. Я будто уже слышала перезвон вилок, кастрюль и мамин сердитый голос.

– А ты кто такая? – я подняла глаза и увидела женщину, склонившуюся ко мне и с интересом меня разглядывавшую.

– Девочка, кто же ещё?

Женщина рассмеялась звонким, как колокольчик, смехом.

– Ты здесь живёшь?

Я кивнула.

– Ну давай тогда знакомиться, соседка. Я Маруся. Вот, въезжаем в новую квартиру. – Теперь я с удивлением смотрела на эту тетеньку. Маруся. Мало того что имя необычное, но ни отчества, ни даже приставки «тётя» не добавлено. Она была немолодой, но все равно очень красивой. И глаза у неё ярко-зеленые, как у ведьм из книги «Калевалла». – А вон мой сын, может быть, подружиться с ним. Да не может быть, а точно подружиться. Никита! – позвала она. На ее зов никто не откликнулся. – Вот же, куда-то уже запропастился! – Она улыбалась, а я не могла не удивляться – моя мама давно бы уже в панике начала кричать и сердиться. – Погоди, я сейчас...

Я пожала плечами. Мне и так некуда было деваться – вход в подъезд наглухо завален предметами мебели.

Маруся подошла, ведя за собой мальчишку – долговязого и худощавого, одетого в брюки со стрелочками и жестко-накрахмаленную рубашку.

– Никит, знакомься, это наша соседка...

– Оля, – вставила я, поднимаясь со скамейки. Вынула руку из кармана и важно протянула Никите.

Он поднял на меня глаза, точь-в-точь такие же, как у его матери – ярко-зеленые. Помню, что в тот момент я позавидовала его длинным и темным ресницам. Как бы я хотела иметь такие же, но с моими светлыми волосами, увы, была лишена такой возможности.

Это уже потом я узнала, что новые жильцы стали нашими соседями по этажу. Маруся мне сразу понравилась, несмотря на то, что мама была настроена по отношению к ней настоятельно, и это можно было понять – не каждая женщина будет на следующий день настойчиво трезвонить в дверь к малознакомым людям и предлагать только что испечённые пирожки.

Сквозь щелку в двери я наблюдала и слушала разговор Маруси с мамой. Она сначала не хотела даже пускать гостью на порог, но когда соседка ненароком упомянула, что может помочь подтянуть английский язык, вдруг стала более благодушной. Провела гостью в кухню, поставила чайник. А мне было интересно, к чему такие перемены. Училась я неплохо, и маме никогда не приходилось выслушивать гневные отповеди учителей. Я даже знала, кем хочу стать, когда вырасту, и пока ей этот выбор нравился.

Мама была строгой, но я понимала ее – я единственный ребёнок, и с моим отцом они давно разбежались. Работала она, как говорила, на износ, чтобы у меня было все необходимое и надо мной никто не насмеялся.

К сожалению, это не помогало. У меня хоть и были добротные вещи и одежда, но не такие клевые, как у моих одноклассниц. Я старалась не показывать вида, что мне из-за этого обидно, чтобы лишний раз не расстраивать маму.

А она в последнее время почему-то всегда выглядела расстроенной и раздражённой.

– Оля! – услышала я ее голос с кухни. – Поди-ка сюда! – Мама взяла меня за плечи, едва я вошла, и слегка подтолкнула вперёд. – Вот она, моя девочка, – чмокнула меня в щеку. – А это тётя Маруся.

– Маруся. Просто Маруся, – женщина мило улыбнулась. – Она же моя соседка, а значит, мы подружимся. Ну какие ещё «тёти» у друзей?

Я смотрела в ее глаза и словно тонула. Такие зеленые и прозрачные, как вода в карьере на даче, в котором я тоже один раз чуть не утонула.

– Маруся сказала, что может с тобой заниматься. Она учительница. – Пфф, меня это абсолютно не обрадовало, и я уже повернулась, чтобы убежать, когда мама сказала: – Не забудь пригласить сегодня на прогулку Никиту, сына Маруси.

Ура! Вот это да! Значит, она разрешит мне пойти гулять! Да я хоть двадцать Никиток с собой позову!

Я уже было собиралась позвонить Ритке, сказать, чтобы собиралась на улицу, когда мама остановила меня:

– Надолго не уходи. Покажи Никите окрестности и поскорей возвращайся.

Ах, значит, подружка на сегодня отпадает.

– Иди, Лёль, собирайся. У тебя не так уж много времени.

2

*Только раз, и то если повезёт, ты встречаешь человека,
который разделяет твою жизнь на две части, до встречи с ним
и после.
(My Sassy Girl)*

Никита

С момента выхода из зоны прилета я находился словно в каком-то тяжёлом тягучем сне. Помнил, что пока ехали в такси, я, перед тем как вырубиться, только и смог спросить маму еле ворочавшимся языком, почему здесь такие страшные дома?

Дома и правда были некрасивые – высотные, с серыми шрамами швов между плитами, кое-где с балконами разного цвета и висевшими на них флагами – одеждой. Ехали очень долго, в машине не было кондиционера, и даже я, привыкший к жаркому климату Ближнего Востока, покрылся бисеринками пота.

Там, куда нас привезло и выбросило такси, было очень непривычно – тесная квартирка в кирпичном многоподъездном доме, от которой мама почему-то была в восторге, густые кроны деревьев прямо под окнами, но самое главное – лифт: трясущийся, с лязгающей кабиной и очень вонючий, впрочем, как и весь этот дом.

Первым делом я опрыскал убогую комнатуху духами, которые вытащил из сумки мамы, едва та отвернулась.

Через какое-то время подросла фура с мебелью и нашими вещами, доставленным грузовым рейсом. Я ужасно боялся, что в процессе перевозки могло что-то потеряться, но все обошлось. Перебирая свои вещи, подарки друзей, фотки, я отгонял от себя горькие мысли, что никогда больше не увижу те места, в которых вырос. Мама говорила, что я родился в Москве, но этого я не помнил. А помнил горы Гиндукуш, темно-синее озеро Банде-Амир, куда мы часто ездили с мамой и отцом на пикники, и покрытые сочной травой долины.

* * *

Днём следующего дня мама замесила тесто, чтобы приготовить булани, а я сидел и смотрел в раскрытое окно и прислушивался к уличному шуму.

– Никит, ты бы не сидел, как старичок на лавочке, не терял зря время – сходи во двор, познакомься с ребятами. На улице так хорошо, прекрасная погода, солнышко, – наконец, не выдержала она.

Я ничего не ответил. Ну куда бы я пошёл один? Да и что, подошёл бы какому-либо пацану и предложил свою дружбу?

– А помнишь ту девочку?

– Какую? – я прекрасно понял, о ком она говорит, но не подал виду.

Как бы я смог забыть такую? В Афганистане не часто увидишь светловолосых женщин – они, в основном, как и моя мама, были приезжими. А у вчерашней знакомой волосы были необыкновенного цвета – как червонное золото, и так же блестящие, а внимательные карие глаза напоминали глаза косули, которых я часто видел у берегов Кунара.

– Никит, – мама села на диван, умоляюще сложила руки. – Мне так хочется, чтобы тебе здесь понравилось, чтобы ты поскорее освоился. Иди, прогуляйся. – Я пожал плечами – как-то неохота одному бродить, скучно. – Ну позови соседку, что ли?

Мама указала рукой на одну из коробок:

– Где-то там упакованы твои шахматы, нарды, футбольный мяч... Может, вы поиграете с ней в какие-нибудь игры? А я, как только испеку булани, схожу к соседям с угощением, познакомлюсь поближе, да и Олю приглашу зайти в гости.

* * *

Не знаю почему, но едва раздался звонок в дверь, я запаниковал. Распахнул дверцы шкафа, судорожно начал перебирать висевшие на плечиках рубашки, а сам прислушивался к разговору мамы с кем-то в холле.

– Никита, это к тебе! – услышал я ее голос, затем дверь распахнулась. – Оля уже ждёт тебя. – Она меня ждёт! Слова мамы отозвались в мозгу и волной разошлись по всему телу, покрывая кожу мурашками. – Ник, – мама наклонилась ко мне и тихо добавила: – Замечательная девочка. Я буду рада, если вы подружитесь.

Я просто кивнул, не в состоянии произнести ни слова и мысленно соглашаясь с мамой.

Девчонка улыбнулась, оглядев меня с головы до ног, и удивлённо подняла брови, когда я с помощью рожка стал обуваться.

– Ты что такой нарядный, как на праздник собрался? – спросила, и настала моя очередь уставиться на неё. – Почему ты в парадной одежде?

Я удивился. Парадная одежда! С каких пор начищенная обувь и отглаженная рубашка стали парадной одеждой?

– Нормально все. Пойдём, покажешь мне местность.

– Никита, – мама выглянула из кухни. – Возьми деньги на мороженое.

Сунув мелочь в карман брюк, я открыл дверь для своей новой подружки, и мы наконец-то вырвались из душной тесной квартиры.

Как ни странно, но с этой девчонкой мне было интересно. В ней отсутствовала жеманность, которой грешили дочери высокопоставленных сотрудников посольства, учившиеся со мной в одной школе. Оля рассказывала мне смешные истории про своих одноклассников, копировала учителей, и ее смех был такой заразительный, что я не мог не хохотать вместе с ней.

Дойдя до перекрёстка, мы обнаружили ларёк с мороженым, и я купил ей эскимо. Денег на второе не хватило, но Оля охотно делилась со мной своей порцией.

В одном из заросших акациями дворов к нам прибилась облезлая собака. Она с тоской глядела на мороженое, жалостливо поводя бровями, и нам пришлось отдать остатки псине.

– Это Дик, мой пёс, – пояснила девчонка, почёсывая собаку между ушей.

– Твой?

Она кивнула:

– Ну, вообще-то у него нет дома, но мы с Риткой его кормим. Дик очень умный. Его все здесь знают.

– Почему же тогда никто не возьмёт его к себе?

– Мне мама не разрешает. У неё аллергия на собак.

Я опустил на корточки. Дик уткнулся своим влажным носом мне в ладони.

– А где же он живет зимой?

Оля вздохнула, поднимаясь:

– В подвале. То у Ритки, то в нашем доме под лестницей. Мы его прячем от ловцов.

– А у вас холодно зимой? – спросил я, и девчонка как-то странно посмотрела на меня.

– А ты что, не знаешь? – Я покачал головой. Какое то время мы шли молча, я чуть позади. – Никит, ты не здешний?

Я пожал плечами:

– Родился здесь, а потом мама по работе уехала сначала в Оман, а потом мы долго жили в Афганистане, пока там не началась война.

- Ух ты! – Оля повернулась ко мне – глаза круглые от удивления. – Ты, значит, афганец?
– Нет, я русский, – улыбнулся. – Просто моя мама работала там в посольстве.

Зря мы завели этот разговор. Перед глазами встали родные мне места, лица друзей, наш просторный дом. Теперь это позади, и кто знает, вернусь ли я когда-нибудь обратно. Все, что осталось у меня – это воспоминания, знание языков и восточной культуры.

– А в какой школе ты будешь учиться? – Оля с интересом разглядывала меня своими тёмными и тёплыми, как крепко заваренный чай, глазами.

Я пожал плечами.

– Наверное, какая ближе.

– Значит в нашей! – Она подпрыгнула и восторженно захлопала в ладоши. – Я иду в седьмой класс, а ты?

– Да не знаю я ничего, – я и вправду не знал.

Вполне возможно, мне тоже придётся вернуться на год назад и стать великовозрастным семиклассником. Вот черт. Мне почти пятнадцать, но из-за беспорядков в Афганистане, я пропустил почти весь учебный год.

Пока я пытался отогнать невеселые мысли, моя новая приятельница торопливо что-то щебетала о своих одноклассниках, а Дик, радостно виляя хвостом, подпрыгивал и пытался достать до лица девчонки розовым языком.

* * *

По всей вероятности, мы гуляли дольше отведённого нам времени, потому что когда подошли к дому, у подъезда уже стояла взволнованная и сердитая мама Оли. Увидев нас, она уткнула руки в бока, а я почувствовал себя виноватым, словно злодей, похитивший невинную принцессу.

– Ольга, где тебя носит?! Немедленно домой! Когда я тебе сказала быть дома?

– Ой, мамочка, я не взяла часы...

– Дома поговорим, – она кинула на меня колючий взгляд.

Оля только и успела, что быстро обернуться – от жалкого выражения лица девчонки у меня внутри все перевернулось.

В ту ночь, лёжа в кровати, я никак не мог заснуть от переполнявших меня впечатлений дня – глядел в потолок и думал об этой девчонке. Оля. Даже ее имя мне нравилось – мягкое и звенящее, идеально подходившее ей. Стоящая она, как сказала бы моя мама – с ней не скучно – раз, не выпендривается – два, а ещё она очень красивая.

3

*Мелкие люди всегда слишком малы для больших и добрых дел,
но зато большие и охочие до дел маленьких и подлых.*
(Джулиана Вилсон)

Артём издали заметил приближавшуюся парочку, прищурил глаза и, обернувшись к своим верным друзьям, свистнул. Парень узнал эту девчонку. Она училась в его школе и Артём уже давно заглядывался на неё. Миленькая блондинка с двумя хвостами по бокам, за которые так и подмывало подергать. Часто видел ее бродившей по Сиреневому бульвару с подружкой и занимавшуюся ерундой – обвязыванием бинтами деревьев. Несколько раз Артём даже специально ломал ветки, чтобы только увидеть ее – знал, что появится со своей санитарной сумкой, переброшенной через плечо, и начнёт бинтовать. Частенько за ними бегал беспородный пёс, насколько Артём знал, бездомный. С детства боявшийся собак, он именно поэтому не решался подойти к девчонкам. Да и что он скажет им? Предложит прогуляться, купит мороженное? Мальчишки из его компании поднимут его на смех. У них только на уме одно – гонять футбольный мяч и лазать по помойкам. Интерес к слабому полу в их четырнадцать лет ещё не возникал. Артём был другой. Глупое детство закончилось года два назад, когда он стащил обнаруженный в родительской спальне журнал с фотками голых тёток и мужиков. Именно тогда парнишка начал смотреть на девчонок совсем другими глазами, невольно представляя по-своему все, что находится под школьной формой.

Артём повернулся к пацанам, обсуждавшим последний футбольный матч между «Спартак» и «Зенитом»

– Слышь, братва, вы видите эту собаку?

– Ага.

– Надо ее хорошенечко отделать.

– Как это? – Ванька, кучерявый мальчуган, нахмурился.

– Ну как как, сказал отделать, чего непонятного? Чтобы кровь шла. Палками можно. Чтобы до крови и кости были сломаны.

– Тём, ты чего, сдурел, что ли?

Тот пожал плечами.

– Так надо. Хотите денег подзаработать?

Мальчишки нерешительно переминались, лица испуганные и удрученные.

– Ну хорошо, – Артём вздохнул. – Просто поймите эту псину и держите. Я и без вас справлюсь, дел то. Но, – он поднял указательный палец вверх. – Денег заплачу в два раза меньше.

Добившись их согласия, парень радостно хохотнул. Пол дела сделано. Осталось только дожидаться удобного момента.

* * *

Маруся сидела перед зеркалом, расчесывая свои длинные чёрные волосы, доводя их до блеска. Сын ещё спал и она не торопилась с завтраком. Приготовить кашу или омлет занимает не более десяти минут, а вот на то, чтобы сделать себя красивой и готовой к новому дню, уходит намного больше времени. Она привыкла всегда выглядеть на двести процентов – обязывала работа и, хотя она уже целый месяц в отпуске, привычка осталась. Вполне возможно, ее вновь отправят в одну из ближневосточных стран на непонятно какой период времени, а может повежёт и она останется здесь, в Москве. Ей уже почти сорок лет и она устала от неопределенно-

сти и неустроенности. Хотелось пришвартоваться к какому-то одному берегу, наладить жизнь, и личную в том числе. В связи со спецификой работы она не могла рассчитывать ни на какие серьёзные отношения. Да что там говорить – из-за своей деятельности ей пришлось расстаться с мужем. Где он сейчас, в каких краях? Последний раз она слышала, что он живет в пригороде Торонто и по-прежнему занимается тем же, чем и она. Маруся любила его и знала, что муж отвечает ей взаимностью – просто они оба на службе Родине, а это важнее их чувств.

Но больше всего женщину волновал подрастающий сын, уже тинэйджер. Ну сколько можно таскать его за собой? Не дай бог у него будет такая же судьба, как у его родителей.

Маруся отложила щётку, слегка прищурилась, вглядываясь в своё отражение. За стеной послышался скрип дивана – просыпался Никита.

Женщина встала, слегка потянулась. Как хорошо, что они здесь! Никите нужна стабильность – совсем скоро он превратится в мужчину. Сыну необходимо хорошее образование, достойная работа и, конечно, семья. Через пару месяцев мальчишке стукнет пятнадцать лет – возраст, когда начинают бушевать гормоны, когда в голове одни девчонки и ветер.

Маруся вздохнула. Пока Никита ее только радовал. Вращаясь среди сотрудников дипмиссии и их семей, сын приобрёл хорошие манеры и научился следить за внешним видом. В то же время Никита дружил и с местными мальчишками, от которых научился настоящим мужским навыкам – умению постоять за себя, не дать в обиду товарищей и крепкой мужской дружбе.

* * *

От стука в дверь Маруся встрепенулась:

– Входи, Ник.

С улыбкой, любясь, смотрела на сына, застывшего в проёме двери – взлохмаченная со сна копна волос, глаза еще полузакрытые, но уже светятся радостью от ожидания приключений нового дня, на губах улыбка. Тело загорелое и хоть по-мальчишески худощавое, но уже с неплохо развитой мускулатурой. Для своего возраста Никитка был силен и ловок.

– Ма, доброе утро, – подошёл, обнял. Эх, ведь совсем скоро перерастёт ее.

– И тебя с добрым утром, сынок. Пойдём в кухню. Что ты хочешь на завтрак?

Он улыбнулся:

– Что приготовишь, то и хочу.

Маруся поставила турку с молотыми зёрнами кофе на конфорку, достала пакет с мукой.

– Хочешь оладушек? – Сын смешно нахмурился, и Маруся рассмеялась. – Ну да, оладушек. Пора тебе привыкать к русской кухне. А позже схожу в магазин и куплю квас.

– Квас?

– Да, это напиток такой же освежающий в жаркую погоду, как и кумыс. Ох, Никитка, тебе ещё осваиваться здесь и осваиваться.

Маруся с сожалением смотрела на сына – хороший парень, но поначалу ему будет нелегко, особенно в школе. Одна надежда – Никита взрослее своего возраста, сообразительней и умеет находить выход из любых ситуаций. Недаром его отец слыл одним из лучших спецгентов.

4

Первая любовь меняет всю твою жизнь. Ее не забудешь, как ни старайся. Та девушка стала твоей первой любовью и, что ни делай, останется с тобой навсегда.

Николас Спаркс (Дневник Памяти)

Никита

Я сам зашёл за Олей. Она ждала меня, стоя в такой же тесной прихожей как и у нас.

– Никит, можешь помочь мне с косой? Никак не могу вплести ленту.

Я уже хотел было возразить, что не имею понятия как это делается и, да ну на фиг эту ленту, но девчонка на меня смотрела такими глазами, будто была уверена, что я прекрасно с этим справлюсь. Подавив вздох, я принялся за дело. Хорошо, что это не требовало особого ума и через пять минут мы были готовы к выходу.

– Куда идём? Или едем? – я потряс мелочью в кармане брюк. – Можно прокатиться на трамвае.

– Если бы у тебя было денег больше, чем только на трамвай, мы могли бы пойти в Измайловский парк на карусели.

– Айда, – я мотнул головой. – Думаю, что на парочку аттракционов нам хватит.

Мы выбежали из подъезда. Дик уже поджидал нас. Оля на мгновение остановилась, развела руками.

– Ох, я совсем забыла про колбасу для него. Он же ждёт.

– Ладно, на обратном пути, – я схватил ее за руку. Времени у нас было не так уж и много.

В трамвае мы заняли самые последние места и сидели, болтая под тренькающие звуки колёс и посвистывания рельсов. Вагон был полупустой и мы, не стесняясь, громко смеялись. Мне казалось, что Оле со мной интересно – она с удовольствием слушала о моей жизни в Афганистане и даже выразила желание научиться языку фарси.

– Никит, а кем ты хочешь стать когда закончишь школу? – спросила, когда мы уже шли по дорожке парка. Лицо ее сделалось серьёзным, словно это был вопрос жизни и смерти.

– Дипломатом. – Она с пониманием кивнула. – А ты? – хотя я уже знал – ей нравится медицина.

– А я хочу быть ветеринаром.

Я остановился.

– погоди... Всего лишь ветврачом? А почему не людским?

– Ну... я люблю животных, мне их жалко, особенно когда они болеют. Кто-то же должен ухаживать за ними.

– Да, ты, наверное, права. Тоже люблю животных, но мама против.

– Аллергия?

Я только покачал головой. Нет, у мамы нет никакой аллергии. Просто с ее работой никогда не знаешь, где окажешься через месяц. Не будешь же таскать за собой в разные страны питомцев? Внезапно я подумал, что и сам запросто могу уехать и больше никогда не увидеть Олю.

– Ты что так на меня смотришь? – словно сквозь вату донеслось до меня.

Я поёжился.

– Задумался на секунду.

Не говорить же этой девчонке, что вдруг понял, что влюбился в неё. А она уже смеялась, глядя как какие-то мальчишки выделывают па на роликовых коньках.

В парке мы провели несколько часов и, хотя денег у меня едва хватило на одну карусель, нам все равно было весело.

Серая туча, внезапно выдвинувшись из-за леса, нависла над нами и разверзлась проливным дождём. Я скинул с себя ветровку, набросил Оле на плечи, и мы бросились к ближайшему летнему кафе, под крышей которого уже собрались переживавшие дождь посетители парка. Ольга была на пол головы ниже меня, мы стояли тесно прижавшись друг другу, стиснутые толпой. Её подбородок упирался мне в ключицу и от этого мне было ужасно жарко. Я старательно разглядывал толпу, уговаривая себя, что все, что чувствую сейчас – какая-то чушь и несурезица. Ольга всего лишь семиклассница, вертлявая хохотушка с косой и атласной лентой в ней, которую мне самому пришлось вплетать в ее волосы.

... которые пахли невинной свежестью и одуванчиками.

...от которых немисливо щекотало в носу.

...тонкие, как шёлк, и мягкие как пух жеребёнка ламы.

– У тебя синие губы. И трясутся. – Только сейчас заметил, что Оля подняла лицо и разглядывала меня. – А ещё... – она замолчала.

– Что ещё?

– Да так, ничего...

Я ещё крепче завернул плечи девчонки в свою хоть и промокшую, но все же хоть как-то защищавшую от дождя ветровку.

* * *

Дождь прекратился также внезапно, как и начался, и люди стали расходиться небольшими стайками в разные стороны. Нам надо было торопиться домой – успеть до прихода с работы Ольгиной мамы.

Трамвай был наполнен вымокшими под дождём людьми, и от исходившего от них пара и влаги стекла вагона запотели. Тихонько посмеиваясь, мы с Ольгой чертили на них смешные рожицы и закорючки, совершенно позабыв, что тоже насквозь мокрые.

* * *

Оля

Дик стоял около подъезда и нетерпеливо вилял хвостом. По всей видимости, ему негде было спрятаться от дождя. С его серой шерсти струйками стекала вода, и выглядел он жалким и худым. К тому же я вспомнила, что утром так и не вынесла ему поесть. Мама собиралась на работу, сидела перед зеркалом и следила за мной. Повертевшись у холодильника, я так и не решилась стащить что-нибудь съестное для пса. Ей не нравилось, что я проводила много времени с бездомной собакой и тем более прикармливала ее.

– Голодный? – Никита присел перед Диком, потрепал его по загривку.

Удивительно, но этот парень словно читал мои мысли. Сегодня, пока гуляли, он постоянно опережал меня и говорил то, что я только-только собиралась сказать. Наверное, поэтому мне было так с ним легко и просто. Всего за несколько дней Никита словно стал моим братом-двойником, и мне пришлось признать, что с ним интереснее проводить время, чем с загадочной подружкой Риткой. За последнюю неделю мы едва с ней виделись, и, кажется, она начала на меня обижаться.

– Давай зайдём ко мне? Мама вчера сварила целую кастрюлю борща, отольём Дикуну немного. – Никита выпрямился, прищурил свои зеленые глаза. – А ещё лучше отведём его ко мне домой и накормим.

– А Маруся не будет против?

– Мама? Ты что? Конечно, нет.

До нашего этажа мы добрались пешком, громко хохоча и перепрыгивая через две ступеньки.

– Интересно, сколько ему лет? – наблюдая, как Дик, высунув язык, следует за нами, спросила я.

– Как будущий ветеринар тебе желательно пролистать все справочники, – Никита взял Дика за морду и разжал его зубы. – Вот смотри – зубы уже не такие и белые. Передние резцы на верхней челюсти уже сточились. Думаю ему года три – четыре.

– Откуда ты все знаешь?

Парень пожал плечами и нажал кнопку звонка.

– Читал.

За дверью послышались торопливые шаги, затем замок заскрежетал, и вскоре мы увидели улыбающуюся Марусю.

– А это что за водяные? – она, по-прежнему улыбаясь, распахнула дверь. – Ну входите же. Боже, да вы вымокли до нитки! Оленька, тебе ещё не хватало простудиться! Сейчас чай с малиной заварю.

Маруся заторопилась на кухню, загремела посудой.

– Ма, Дика покорми, – крикнул Никита, а сам открыл дверь в свою комнату.

– Не обращай внимания, я не успел прибраться, – парень смущённо развёл руки.

Я огляделась. Ничего себе – не успел прибраться! Да его комната по сравнению с моей была идеально чистой. Все вещи лежали по местам, вокруг ни пылинки. Наверное, ему никогда не приходилось выслушивать отповедь Маруси за разбросанные вещи и бумаги.

– А почему твоя мама не волнуется, что ты тоже можешь простудиться? – выпалила я вертевшийся на языке вопрос.

– Хм, – он пожал плечами. – Ну, наверное, потому что я мужчина и сам могу позаботиться о себе. Обычно болеют слабаки. Ну а девчонки относятся к слабому полу, – он хитро улыбнулся.

– Выходит, я слабачка?

Он рассмеялся и щёлкнул меня по носу:

– Нет, ты просто девчонка.

Маруся заглянула в комнату. В руках она держала пушистый шерстяной плед.

– Никит, укутай Олюшку как следует. А я мигом принесу вам чай.

– Спасибо, мам, я сам.

Никита вышел вслед за Марусей, а я, завернутая в тёплый, немного колючий плед, стала разглядывать комнату друга.

Аккуратно застеленная кровать, на стенах, поклеенных светлыми обоями, большая картина, на которой нарисована долина с красными маками-светлячками, около окна – секретер, а на нем кактус в горшке и фотография какого-то мужчины, чем-то смутно напоминавшего Никиту. Может, его отец? На противоположной стене – полка с книгами. Все вперемешку – словари, пара томиков Конан Дойла, какие-то учебники и даже сказки. В углу притулилось кресло и старенький торшер с оранжевым абажуром. Просто и ничего лишнего. Моя комната была совершенно другой, комбинация дискоклуба, модельного агентства, избы-читальни и пряничного домика. Впрочем, у многих моих подружек комнаты были точно такие же. Единственное отличие – я ненавидела розово-сиреневые тона, а предпочитала тёплые земляные.

Никита вернулся с подносом, на котором стояла вазочка с какими-то восточными сладостями и дымились две чашки с чаем. Маруся умела печь столько различных вкусовностей, что мне казалось, я уже прибавила пару килограммов с тех пор, как мы начали дружить с Никитой.

– А где Дик? – я вдруг вспомнила о собаке и почувствовала, как краснею от стыда – совсем забыла о нем.

– Мама покормила его, теперь он лежит около двери на коврик.

– Твоя мама такая добрая... – Он согласно кивнул, закидывая печенку в рот. – Моя давно бы уже выгнала Дика на улицу. Она не любит собак.

– Ее можно понять, Оль. Собаки бывают чересчур надоедливые, крутятся под ногами, лизнуть норовят. А многие их просто боятся.

Я закусила губу, задумалась. Никита, наверное, прав. Вообще, мне казалось, он всегда прав. Такой рассудительный, у него всегда есть ответ на любой вопрос. И все объяснит досконально. Классный он! Здорово, что мы с ним друзья.

* * *

Уже поздним вечером, после того как мама в который раз проверила, сплю ли, и удалилась к себе, я вылезла из-под одеяла и забралась на подоконник. В открытое настежь окно врвался одуряюще-свежий воздух, пахнувший листвой и ещё чём-то, что будоражило все внутри меня. Я мечтательно улыбалась, представляя Никиту сидящим сейчас в кресле и читающим одну из своих книжек. Или может... может, он так же, как и я, сейчас сидит на подоконнике, и тоже наслаждается тем же самым воздухом, ласковым ветерком и думает обо мне... Ах, как же хочется знать. Я смежила веки, мысленно представляя его. Взлохмаченные тёмные волосы, загорелое скуластое лицо и ярко-зеленые глаза с длинными тёмными ресницами. Тряхнув головой, сжала разгоряченные щеки ладонями. Mamochki, я, кажется, влюбилась в своего соседа!

* * *

Проснувшись утром, я первым делом побрела в кухню, там царила непривычная тишина – мама еще спала. Воспользовавшись этим, я открыла окно, позволяя ветерку ворваться внутрь. Я ненавидела утреннюю суматоху, спешку, окрики. Глянув на циферблат, поняла, что долго насладиться покоем мне не удастся – совсем скоро прозвонит будильник, а следом хлопнет дверь маминной спальни, она выскочит оттуда взъерошенная, с тёмными кругами из-за несмытой с вечера туши под глазами. Она будет делать все одновременно – умываться, готовить завтрак и одеваться, перемежая все это бормотанием ругательств.

Мама работала в большом супермаркете кассиром и, несмотря на лучшие возможности и нелюбовь к своей работе, бросать ее не собиралась. Когда я была совсем маленькой, она иногда брала меня с собой, заставляя сидеть в тесной комнатухе в течение многих часов. А я иногда тайком выходила оттуда и издалека наблюдала за ее работой. На работе мама была совсем другой – улыбка не сходила с ее лица, а глаза светились. К сожалению, к концу рабочего дня от ее хорошего настроения мало что оставалось, и всю дорогу до дома она пилила меня за любой промах или невпазд сказанное слово.

От звука будильника я вздрогнула, хотя это было ожидаемо. Сейчас начнётся! На всякий случай включила чайник – хоть чай будет готов к тому времени, когда мама будет почти готова к уходу из дома. Только бы пережить этот мучительный час! Вот у Ритки совсем все по-другому в семье. Мама – тихоня, отец – или читает какие-то умные книги, или ремонтирует что-то из техники. Я завидовала подруге – мне хотелось иметь папу. С тех пор как мама выставила отца с чемоданчиком в руках за дверь, от него не было ни слуху, ни духу.

– Ольга, – крик мамы вырвался из спальни. – У нас что, нет в запасе чистых полотенец? Да что ж за ядрена феня! Чай сделай, опаздываю! – Уже слышалось, как в ванной льётся вода, фырканье. Неужели когда я вырасту и начну работать, тоже буду так же пробуждаться и готовиться к рабочему дню? – Оль, а Оль, ты не видела мои духи? На полочке стояли...

Я заранее втянула голову в плечи. На днях я отдала их Ритке – они давно ей нравились, и там все равно оставалось на доньшке. К тому же у них был приторный запах каких-то цветов.

– Не знаю, – пришлось соврать.

Мама как угорелая вылетела из ванной.

– И не забудь сделать домашку по английскому! Глаза мне будешь ещё закатывать!

Я быстро глянула на часы – осталось двадцать минут до ухода родительницы. Я понимала отца – не каждый ужился бы с моей мамой. Нет, я, конечно, любила ее, как, должно быть, и она меня, но между нами не было ни нежности, ни понимания. Иногда мне казалось, что я вообще появилась на свет случайно и была нежеланным ребёнком. Особенно я стала остро это ощущать сейчас, когда познакомилась с Марусей. Теперь, когда я зачастила к соседям и видела совсем другие отношения. Казалось, эта женщина была готова обнять весь мир, была всегда приветлива и ее глаза лучились радостью и покоем. Ее лицо никогда не омрачала гримаса недовольства. Отношения между ней и ее сыном полны доверия и понимания, вызывали зависть, и порой мне хотелось, чтобы она удочерила меня. Эх, мои глупые детские фантазии.

– Оляка, я пошла! – раздался голос мамы из прихожей. – Не забудь про инглиш.

– Хорошо, мам. – Английский меня не очень волновал. Никита вызвался мне помочь, и я только и ждала момента, когда смогу пойти к своим соседям.

* * *

Никита

Мы сидели за столом. Кухню наполнял утренний аромат корицы и кофе, я доедал оладьи, которые полюбил в последнее время. Мама нетерпеливо поглядывала на часы – торопилась по своим делам.

С минуты на минуту должна позвонить в дверь моя соседка. Мы планировали прогулку в Измайловском парке. Она так расписала красоты березовой рощи и тропинок, что мне не терпелось убедиться в правдивости ее слов. Ещё я хотел предложить ей быть моей девчонкой. Вчера вечером мы обсуждали это с мамой. Наш разговор случился за ужином. Сначала она лукаво улыбалась и исподтишка поглядывала на меня, а потом неожиданно, так что я чуть не подавился, спросила:

– А ведь ты влюбился, Никит? – вопрос заставил меня покраснеть до корней волос. – Тебе нравится Оля?

– Ну да, классная девчонка. Тебе же она тоже нравится?

– Нравится, конечно, но только, думаю, не так как тебе. – Я молча жевал жаркое, стараясь не поднимать глаз от тарелки. – Да, ладно, – она потрепала меня по руке. – Не смущайся. В этом нет ничего необычного. Оля и вправду хорошенькая и очень милая. Надеюсь, ты не сказал ей о своих чувствах?

– Нет, а должен?

– Лучше не надо. У вас хорошие дружеские отношения и лучше их такими и оставить. А если хочешь ей нравиться, то просто води себя достойно, и не только с ней, но и с другими людьми.

– Спасибо, мам, за совет, но я по-другому и не могу.

– А когда пойдёте в школу, ты должен защищать ее от других мальчишек, носить ее тяжёлый портфель...

– Рюкзак.

– Ну, рюкзак, что там у вас.

– Мам, у нас и так с ней всё хорошо.

Она слегка улыбнулась.

– Вот и вырос ты у меня, сынок, уже влюбился...

Я вскочил из-за стола смущенный. Зачем она говорит мне это? Я и так об этом только и думаю в последнее время, ночами просиживая у распахнутого окна и представляя, как Оля тоже не спит и думает обо мне.

В тот вечер лёг спать поздно и ещё долго не мог уснуть – думал и представлял, как скажу Оле, что она мне нравится, и как было бы здорово предложить ей более чем приятельские отношения.

И вот уже утро, подружка должна была прийти с минуту на минуту, а я так ничего и не решил, да и не готов к такому разговору. Кинулся к зеркалу, пригладил непослушные волосы, поправил рубашку, с недовольством потрогал прыщ, выскочивший на лбу. Ждал ее, и когда раздался долгожданный звонок в дверь, все внутри затрепетало.

На ней был белый топик, голубые джинсы, волосы убраны в конский хвост. В руках Оля держала тетради и учебник по английскому языку, и я вспомнил, что вчера обещал ей помочь с заданием. Протянув их мне, сказала:

– Давай по-быстрому, и пойдём гулять.

– Пойдём, – открыв дверь в свою комнату, кивнул в сторону письменного стола. – Присаживайся. – Оля озадаченно уставилась на меня. – В чем у тебя загвоздка?

– Да никак не могу разобраться с Present Past.

– Это ерунда, – мне было приятно, что смогу ей помочь. – Сейчас на двух пальцах объясню.

– Давай ты лучше сам напишешь, а объяснишь как-нибудь потом.

Теперь я удивлённо смотрел на неё:

– Нет. Я так не согласен. Если я буду делать домашку за тебя, то никакой пользы не выйдет. Проще объяснить, тогда ты сможешь делать все без моей помощи.

Я видел, как ее губы надулись, а брови сошлись на переносице:

– Тогда мы не успеем в парк. И никакой рожи тебе не видать как своих ушей.

– Ну что ж, – упрямо мотнул головой. – Значит, не увижу. Садись, лентяйка.

Оля плюхнулась на стул, сложила руки на груди, недовольная.

* * *

Время шло быстро, мы не заметили, как прошел час. Сидели, склонив головы друг к другу. Я рассказывал правила, приводил примеры, она старательно записывала в тетрадь, слегка высунув от усердия язык. А я вдыхал свежий, чуть сладковатый аромат ее золотистых волос и готов был провести за этим столом ещё столько же времени.

От яростного лая, перешедшего в вой, мы оба вскинули головы.

– Дик! – воскликнула Оля, меняясь в лице.

Я уже стоял у двери, наскоро вдевая ноги в ботинки.

5

*У памяти моей дурное свойство, —
Любая пакость будет долго тлеть.
Хочу прогнать дурное беспокойство,
Но не могу себя преодолеть
Как в безразмерной камере хранения,
В сознаны чемоданы и мешки,
В которых накопились оскорбления,
Обиды, униженья и щелчки.*

(Эльдар Рязанов)

Артём

– Ну чего, пацаны, видите вон того пса?

Мальчишки переглянулись, нестройно промычали что-то в ответ.

– Да это же Дик, – худощавый Валерик почесал затылок. – Он в соседнем дворе живет.

– Он чей-то?

– Не-а, так, приبلудный. Девчонки его подкармливают, и спит он где придётся.

– Ага, значит, эта псина тебя хорошо знает? – обрадовался Артем.

– Немного знает.

– Отлично. Иди и притащи мне его.

– Тём, на фига? – паренёк переминался с ноги на ногу.

– Ты чё, забыл наш уговор? Сейчас самый подходящий момент, никто не видит. Я же деньги плачу вам, придурки.

– Так что надо делать то?

– Короче, Вал тащит пса, вы его держите так, чтобы он меня не искусал, а я его черенком от той лопаты дубасить буду.

– Да ну... жалко, – протянул Серега.

– Чего жалеть? Все равно рано или поздно его отловят и на мыло пустят. А так хоть польза будет. И мне, и вам. Белобрысая прибежит, и я сделаю вид, что дерусь с вами, кобеля этого спасаю. – Кто-то из мальчишек не сдержал смех, и Артём окинул его грозным взглядом. – Чего ржешь? Так надо. И чтоб молчок, а не то...

Мальчишки притихли. Они побаивались Артема. Он был давним лидером в их компании и неоспоримым авторитетом. Кроме того, у него всегда водились деньги на курево и пиво. Ходили слухи, что Артём прятельствовал с наперсточниками, которые тусовались на «Щелчке» на автовокзале.

– Давай, жми, Валерик, и поторопись, пока никто не видит.

* * *

Паренёк убежал, слышно было как свистит, подзывая собаку. Через пару минут он появился в сквере, таща за собой Дика.

– Ну, держите его покрепче, чтоб он на меня не набросился. Ещё не хватало потом уколы в живот делать. – Мальчишки обступили растерявшуюся собаку, один схватил ее за холку, кто-то за задние лапы. – Ну, с богом!

Первый удар пришёлся в бок. Дик дёрнулся, зарычал, попытался укунить того, кто его держал за холку. Затем взвизгнул, задрожал, когда удары один за другим посыпались по спине,

морде, лапам. Залаял, переходя на отчаянный вой. Из оскаленной пасти показалась кровь. Дик взвыл, уже не в силах сопротивляться.

– Дик! – из-за кустов раздался девчачий крик.

– Все, братва, отпускаем его! – крикнул Артём, отбрасывая в сторону палку. – Теперь я, пардоньте, вас чуть поколочу.

Кулак парня врезался в плечо Валерки, отбросив того на несколько метров, затем ногой с размаху Артём ударил Сережку.

– Ди-и-ик! – жалобный плач девчонки за спиной. Он только и успел заметить краем глаза, как она упала на колени перед неподвижно распластавшейся на земле собакой, как тела его приятелей завертелись, закрутились, словно попав в эпицентр мощного торнадо.

– Держись, приятель, – Артём услышал голос какого-то парня. – Сейчас мы с тобой их всех, сволочей, в два счета уложим.

Он скосил глаза, посмотреть, кто это такой нарисовался. Хм. Откуда здесь этот перец, черт побери?

* * *

Меньше чем через минуту о произошедшем напоминало только тело собаки, бока которой тяжело вздымались, указывая на то, что в ней ещё теплится жизнь, и плачущая навзрыд девчонка. И два подростка, стоявшие друг напротив друга, взлохмаченные, у одного из них порванная рубашка, царапина на щеке.

– Никита, – один из них протянул руку другому. – Вот скоты. Ты их знаешь?

– Не, наверное, с другого квартала, сволочи.

– Спасибо тебе, – Никита улыбнулся. – Хорошо, что ты вовремя здесь оказался.

– Да ну... – Артём смущённо улыбнулся. – Любой бы на моем месте вступился бы за несчастную собаку. Вот гады! Тебе спасибо, что на выручку пришёл. Это ее собака? – парень кивнул в сторону Оли.

– Угу. – Никита подошёл к девчонке, присел на корточки рядом. Девчонка подняла на него взгляд своих глаз, теперь ставших совсем тёмными, как перезревшая вишня.

– Он умрет? – она перевела взгляд на стоявшего чуть позади Артема, встала. – Спасибо тебе! Спасибо, что ты оказался здесь вовремя. Если бы не ты... – она закусила губы, стараясь сдержать готовые снова брызнуть слезы. – Меня Олей зовут.

– А я Артём, – он искренне улыбнулся. – Надо псину срочно к ветеринару.

– А как же мы ее доведем? – Оля растерянно посмотрела на парня.

– Можно вызвать ветеринара на дом, – предложил Артём, склонился над собакой. Дик слегка шевельнулся, на миг обнажая зубы. Парень тут же отпрянул. – Бедняга, испугался, наверное. Знаете, я сбегаю сейчас за деньгами домой и заодно позвоню в ветлечебницу. Они за деньги и прям сюда могут приехать. На месте и осмотрят.

– Ой, Артем, – девчонка сложила ладошки в мольбе, – какой ты все-таки молодец. Это, наверное, жутко дорого.

– Ничего, – парень снисходительно улыбнулся, – я в трудовом лагере заработал, на доброе дело не жалко.

– Спасибо тебе огромное! – Оля обернулась к своему спутнику.

– Да, мы тебе очень благодарны, – Никита кивнул. – Если бы не ты, Дик бы не выжил. Заработаю – отдам. Обязательно.

– Ерунда, не парься.

– Но только он не может здесь оставаться, – Никита нахмурился. – Надо его хотя бы в подъезд занести. Стойте здесь, а я сбегаю, одеяло принесу. Артём с облегчением вздохнул, когда этот парень, наконец, удалился. Ему не терпелось остаться наедине с этой девчонкой.

Олей. Имя ей шло. Подходило и к пшеничным волосам, и к большим темным глазам. Но сейчас он стоял, смотрел в сторону, не зная, что ещё сказать, что сделать. У Артема наконец-то появился шанс привлечь ее внимание не каким-то глупым предложением купить мороженное или прогулками по Сиреневому бульвару – он теперь герой, самый что ни на есть настоящий.

* * *

Никита

Вломившись в квартиру, я бросился к шкафу, судорожно рылся в поисках какого-нибудь покрывала, но, как назло, ничего достаточно плотного не попадалось. Тогда я стянул одеяло со своей кровати и побежал обратно.

– Куда же нам его? – Оля растерянно обернулась к стоявшему рядом с ней Артёму.

– Ничего, пусть у меня переночует, – проговорил я, подталкивая одеяло под собаку. Бока Дика слабо вздымались, и внутри его тела что-то булькало. – Оль, по-хорошему, ему надо в лечебницу.

Втроём мы кое-как справились, подняли собаку и понесли к подъезду. Пришлось подниматься пешком по лестнице – в лифт мы поместиться не смогли.

Я толкнул ногой дверь, и мы внесли собаку в квартиру.

– Уф, тяжёл, чертяка, – Артём улыбнулся, утирая со лба выступившие капельки пота.

– Слушай, спасибо тебе.

Я протянул ему руку, и он в ответ крепко ее пожал, смущённо улыбнулся:

– Ну так я бегу за деньгами?

Я кивнул.

– Никит, это же, наверное, очень дорого стоит? – Оля глядела на меня испуганными глазами.

Артём рассмеялся:

– Ничего. Сейчас самое главное – выходить его. Я быстро...

Он скрылся за дверью. Мы остались вдвоём, и внезапно я ощутил непонятную горечь – моя подружка продолжала смотреть на дверь, за которой скрылся Артём, и на ее лице было такое выражение, словно она только что встретила самого Господа Бога.

– Никит, – Оля дёрнула на себя ручку, открывая дверь, невнятно пробормотала: – Надо его проводить...

Не успел остановить – девчонка выбежала за дверь, и я только и слышал ее быстрые шаги, отдававшие эхом и затихшие где-то внизу

* * *

Мама была удивлена новым членом семьи, но не стала противиться. Она вообще редко когда запрещала мне что-либо делать, а я в ответ на это старался ее не огорчать.

– Я вроде видела этого пса, – она присела возле него на корточки. – Что с ним?

Мне пришлось рассказать ей все в подробностях. Под конец я вытащил из кармана деньги, которые принёс Артём.

– Мам, Дику нужен врач.

Она кивнула, задумчиво поглядела на мою руку с зажатыми в ней деньгами.

– Откуда ты взял?

– Артём дал на лечение. Я ему отдам их, как заработаю.

– Никита, как ты зарабатываешь? – она покачала головой. – Не выдумывай, верни деньги.

Мама встала и прошла в комнату. Через минуту вернулась, держа в руках шкатулку. – Вот, небольшие запасы.

- Мам, я отдам.
- Ерунда это. Считай, что мы купили тебе собаку.
- Я в изумлении поднял на неё глаза. Милая мамочка, самая лучшая на свете.
- Я отработаю, – буркнул, а она только потрепала меня по волосам.

* * *

Оля

После того как мы все втроём устроили Дика у Никиты и Артём принёс свои сбережения, я спустилась вниз вместе с ним. Заметила, что у него разбита бровь, потянулась вытереть струйку крови, сползавшую по скуле, и наши глаза встретились. Господи, я никогда не видела таких глаз. Ярких, как бирюза. И так необычно сочетающихся с его светло-пепельными волосами.словно пшеничное поле и бескрайнее небо. Кажется, Артем что-то говорил, но у меня напрочь отключился слух, да и не только. Я не могла пошевелиться.

– Давай завтра куда-нибудь ходим?

А? Что? Он приглашает меня?

Мои губы сами собой растянулись в улыбке, и я с готовностью кивнула, а потом вдруг выпалила:

– Айда ко мне, я тебе на бровь пластырь налеплю.

И Артём, удивительно, тут же согласился.

Я быстро поставила чайник и, пока он закипал, достала перекись водорода, прижала к ране смоченный ею ватный шарик. Лицо парня слегка скривилось, но он мужественно выдержал процедуру. Мы стояли так близко друг к другу, что казалось, он мог услышать, как громко билось мое сердце. От него пахло чем-то вкусным – то ли жвачкой, то ли какими-то ирисками – и мне хотелось обрабатывать его рану бесконечно долго.

С кухни донёсся свист закипевшего чайника.

– Будешь чай? – Он кивнул, проходя в кухню следом за мной. Его дыхание касалось моей шеи и заставляло мурашки бегать по всему телу. – У меня есть мармелад и булочки. Мама Никиты их только-только напекла.

– Никита? Я сначала подумал, что это твой брат. – Артём сел на табуретку.

– Ну что ты?! – мне стало смешно. – Мы с ним совсем не похожи. Он просто мой друг.

– Тебе повезло, – Артём окинул меня взглядом с головы до ног, заставляя заалеть мои щёки. – Похоже, он классный пацан. У меня мало друзей, так, приятели...

– Я уверена, что Никита не станет возражать, если ты к нам присоединишься, – сказала, а у самой сердце в пятки ушло. Не от страха – Никита уж точно ничего не будет иметь против этого парня, просто меня охватил какой-то странный восторг, растекшийся в душе сладкой патокой.

За чаепитием время прошло незаметно, услышав звук поворачиваемого в замке ключа, я запаниковала, заметалась по кухне.

– Ой, мамочки! – двойной смысл моего восклицания рассмешил Артёма. Он поднялся с табуретки и, собрав со стола посуду, отнёс к раковине.

– Оля, ну что ты так волнуешься? Я буду только рад познакомиться с твоей мамой.

Я представила ее удивление. Она не очень жаловала моих гостей. В последнее время позволяла приходить только Никите, да и то потому что он помогал мне с английским языком.

В прихожей уже послышались звуки открывавшихся дверей шкафа.

– Мам, – я остановилась в проёме дверей, – познакомься, это мой друг Артём.

В ее глазах мелькнуло удивление, брови сошлись на переносице. Артём стоял позади меня.

– Здравствуйте, – улыбнулся, слегка склонив голову.

Как ни странно, лицо мамы смягчилось. Да иначе и быть не могло – невозможно было сопротивляться обаянию Артема.

* * *

Мы стали неразлучной троицей. День начинался с того, что Артём заходил сначала к Никите, а потом вместе с ним ко мне. Последний месяц лета пролетел незаметно – мы старались наполнить дни различными впечатлениями. Частенько посещали Измайловский парк, ездили на Красную площадь, в Зоопарк, в Серебряный бор. Август выдался жарким, и мои мальчишки соревновались, кто из них больше купит для меня мороженого. Вечерами я сидела во дворе на лавочке и наблюдала, как Тёма и Никита гоняют футбольный мяч. Иногда ко мне присоединялась Ритка. Она с восторгом сидела, чуть приоткрыв рот, и следила за игрой, а на самом деле, я знала, она не могла оторвать взгляд от Никиты. Я прекрасно видела, что парень ей очень нравится. Каждый раз, когда его взгляд ненароком останавливался на моей подруге, та жутко смущалась и краснела. И я ее понимала – Никита не мог не нравиться. Обаятельный красавчик, располагающий к себе даже самых негативно настроенных людей. От одного взгляда его зелёных глаз любая девчонка запросто могла сойти с ума. И, признаться честно, я ведь даже была влюблена в него. Пока не появился Артём.

* * *

Это первое сентября я запомнила на всю жизнь. Сначала в дверь позвонил Никита. Я видела, что он ужасно волнуется – первый день в новую школу, в абсолютно другом городе и даже стране. Видела по тому, как двигались желваки на его скулах, а в зелёных глазах мерцала тревога. Выглядел он, как всегда, бесподобно – накрахмаленная белая рубашка, галстук, пиджак и брюки с такими острыми стрелками, что, казалось, проводи по ним рукой – и можно порезаться.

– Ты отлично выглядишь, Лёль, – он опередил меня, и я рассмеялась.

– И ты, Никит. Как всегда, на высоте.

– Я немного волнуюсь, – он пожал плечами, хмыкнул.

– Все будет хорошо, – неожиданно для самой себя я поднялась на цыпочки и чмокнула его в щеку. Ох, хорошо, мама была в кухне. – Тёмка тебе поможет освоиться – он всех знает. Не волнуйся.

Отвернулась – то, как Никита смотрел на меня, неожиданно смутило.

Звонок в дверь спас ситуацию.

– А вот и он!

Артём, в противоположность Никите, был одет в светло-голубые джинсы, слегка растянутый свитер, под мышкой у него была зажата папка.

– Эх, Кит, – он покачал головой, оглядывая Никиту, – ты как на похороны собрался.

Тот вопросительно приподнял брови.

– Никто так в школу не одевается. По крайней мере, в нашу. Надо быть попроще – джинсы, майка, можно даже с дырками.

– С дырками? Ну уж нет, это не мой стиль.

– Тём, ну что ты?! На мой взгляд, Никита выглядит замечательно.

– Да, только мне придётся крепко за него постоять сегодня, чтобы он не вернулся домой с разбитым носом и фингалом под глазом. Знаешь же, как относятся к ботанам.

– Только он не ботан! – я вдруг почувствовала обиду за своего друга.

Никита совсем не такой. Он запросто расправится с любыми обидчиками.

– Мне было бы неловко идти рядом с таким пижоном, – продолжал Артём, пальцами оттопыривая лацканы пиджака друга.

Я топнула ногой, собираясь возразить, но Никита опередил меня:

– Арт, мне абсолютно безразлично, кто что обо мне подумает. Единственное важное мнение – это моё, а я считаю, что в первый день школы должен выглядеть так, как выгляжу. Если тебе неприятно идти рядом со мной, то я не расстроюсь.

– Артём, ну в самом деле! Никита совсем недавно в Москве и ещё не освоился. Отстань от него.

– Да я просто не хочу, чтобы над моим другом смеялись. Он ведь так ни одну девчонку не закадрит.

– Закадрит? – я аж задохнулась от возмущения, вопросительно поглядела на Никиту. – В школе надо не об этом думать!

Парни и я вместе с ними рассмеялись над моими словами – словно я была какая-то училка. А на самом деле я вдруг поняла, что не хочу видеть своего лучшего друга увивающимся за одной из моих одноклассниц. Никита мой, и всё.

Мы вышли из дома, мама выглянула в окно, помахала нам рукой.

– Мальчики, сразу после школы Оля должна быть дома. Лето закончилось!

6

*Полтора года спустя
Я могу тебя очень ждать,
Долго-долго и верно-верно,
И ночами могу не спать
Год, и два, и всю жизнь, наверно!*

(Эдуард Асадов)

Никита

– Оля, ты специально кладёшь туда кирпичи? – Артём перекинул рюкзак с одного плеча на другое.

– Ага. Специально, чтобы ты качал мышцы. – Оля рассмеялась, взяла меня под руку. – Вот Никита никогда не жалуется.

– Безропотность – это слабость характера, – пробурчал Артём, вызывая у меня только усмешку.

Я готов был таскать Олькин неподъемный рюкзак хоть каждый день, и мне было плевать, сколько он весил. Мой лучший друг просто любил ворчать и поддевать меня, на что я совершенно не обижался. За прошедший год наши приятельские отношения превратились в крепкую дружбу. С Артёмом было интересно. Он никогда не робел и делал то, что желала его душа. То, на что я никогда бы не решился по причине разницы в воспитании, он делал с завидным легкомыслием, вызывая у меня зависть. Например, Тёмка запросто мог слинять с уроков, притворившись больным, и ему все сходило с рук, едва он поднимал на учительницу невинный взгляд своих голубых глаз. Он никогда не делал уроки, не заучивал нудные химические формулы и геометрические теоремы, вместо этого списывал все у отличников, которые его к тому же снабжали шпаргалками. Артём был любимчиком у обеих наших мам – моей и Ольгиной. Иногда мне казалось, что и наша подружка слегка влюблена в Артёма, хотя я отказывался думать об этом. Оля мне нравилась, и я только и ждал момента предложить ей стать моей девочкой. Если б мы не жили на одной лестничной клетке, то у меня, наверное, совсем не осталось бы времени, которое я мог провести с девочкой наедине – Арт постоянно был рядом.

– Слушай, Ольк, а может, сходим сегодня в кино? – мы остановились у подъезда. Артём сдул лёгкий снежок с капюшона её куртки. – Самый крутой боевик, и билеты остались только на последний сеанс.

Девчонка обернулась, вопросительно глядя на меня.

– Никит?

– Я не могу сегодня. К нам приехали гости, им не терпится повидаться со мной.

Артём хмыкнул.

– Знаю, знаю. Поэтому тебе и не предлагаю. Я взял два билета для нас с Ольгой. Твои гости – не ее проблема.

– Действительно, – я видел, как загорелись глаза нашей подружки. Артём прав – такого шанса больше не будет. – Конечно, сходите. Потом расскажете.

– Ой, Никита, ты ведь не обидишься?!

Ну как можно возразить, когда она так улыбается? А после того как она чмокнула меня в щеку, я и вовсе растаял.

Пока мы поднимались в лифте, Оля радостно щебетала, взбудораженная предстоящим походом в кинотеатр. А мне хотелось перебить ее лепет, спросить прямо, в лоб, немедленно – станет ли она моей девочкой.

Кабина вздрогнула, останавливаясь на этаже, и внутри меня все простонало – снова упущен шанс. Как же набраться храбрости и задать этот такой простой и такой сложный вопрос?

– Пока, Никит, увидимся завтра днём. Суббота, забыл?

– Заходи ко мне. Дик уже соскучился.

Она нетерпеливо помахала рукой, скрываясь за дверью, а я со вздохом повернул ключ в замке.

Сразу почувствовал аромат свежее испечённого хлеба. Мама и раньше любила готовить и радовать близких всякими вкусностями, а сейчас, когда находилась в безвременном отпуске, практически не отходила от плиты. Обернулась, и на ее лице улыбка медленно сошла на нет.

– Что-то случилось, сынок?

Жаль, что мне никогда не удавалось скрыть от неё своё настроение. Бросив рюкзак у дверей кухни, я сел на стул:

– Мам, Ольга идёт в кино с Артёмом.

Она поняла. Тотчас присела напротив меня:

– Никит, – она взяла меня за руку. – Вижу, что тебе она очень нравится. И ты ей тоже, я уверена. Но, понимаешь, она ведь ещё совсем ребёнок – ей только четырнадцать лет. В этом возрасте у девочек столько волнений, печалей, радостей, и все это так несерьезно.

– Я хочу предложить ей стать моей девчонкой.

Мама тихо рассмеялась.

– И что? Глупее этого не слышала. Что значит быть чьей-либо девчонкой? Носить портфель в школу и из школы? Но разве ты этого и так не делаешь? Гулять в парке, кормить до отвала мороженым и помогать с домашкой? Или же целоваться в темном подъезде? Так для этого ни ты, ни она не доросли. Будь для неё тем, кем ты есть – лучшим другом.

Она все говорила верно, и умом я понимал правильность ее слов, вот только на сердце было так тяжело, словно к нему привязали огромный булыжник.

* * *

Артём

Артём ждал Олю у подъезда. Его губы расплывались в радостной улыбке – наконец-то он сможет провести время с этой девчонкой наедине, без этого постоянно мешавшегося под ногами придурка. При мысли о Никите кулаки парня невольно сжались. Так иногда хотелось врезать ему, чтоб только отвалил. Ольга нравилась Артёму, у него на неё имелись свои планы, и он добьётся их исполнения чего бы это ему ни стало. Видел прекрасно, что Никита втюрился в Ольгу, и замечал, как та с обожанием смотрит на своего дружка. Не бывать этому. Артём привык быть лидером во всем и не собирался отдавать пальму первенства этому пижону.

Дверь распахнулась, и показалась Оля, одетая в ярко-оранжевый пуховик.

– Привет, – она рассмеялась, схватила Артема под руку. – Я готова!

– Ты сказала маме, что мы вернёмся домой поздно?

Девчонка кивнула.

– Я сказала, что мы идём в кино с тобой, и она совершенно не возражала. Даже обрадовалась.

– А если бы тебя позвал Ник? – вырвалось, и Артём тотчас прикусил язык.

Увидел, как удивлённо поднялись брови Оли.

– Никита? Ну, конечно, разрешила бы. Он же мой лучший друг. Мы с ним собираемся в Афганистан, когда мне исполнится восемнадцать. – Оля вопросительно посмотрела на парня, заметив, как тот помрачнел. – А что? Хочешь с нами?

– Нет. Я собираюсь в институт, и времени на подобную ерунду у меня не будет.

– В институт? – она остановилась, с изумлением приоткрыла рот.

– Да, в медицинский. Решил – буду врачом.

Артём нёс околёсицу. Вообще не мог понять, что на него нашло. Какой ещё медицинститут? Плёл ерунду, только потому что знал Олины планы после окончания школы получить профессию врача.

– Тёмчик, – девчонка радостно захлопала в ладоши. – Так мы, значит, вместе будем поступать?

– Да, – он взял ее ладошку в свою. Они остановились у подножия лестницы кинотеатра. – Я бы хотел быть рядом с тобой. Всегда.

Она замолчала, опустила голову, смущённая откровенным признанием.

– Пойдём, Артемка, уже все заходят внутрь, – быстро произнесла, взбегая по лестнице.

Черт, неужели он просчитался? Он ругал себя, поднимаясь вслед за девчонкой по лестнице. Ещё не хватало, чтобы она струсил.

Пока они проходили сквозь возбужденную толпу зрителей, парень корил себя за чрезмерную поспешность.

Они пробрались на предпоследний ряд, заняли свои места.

– Я так рада, что ты взял билеты на этот фильм! – Ему нравилось счастливое выражение лица Оли. – Все девчонки только и трещат о нем. Жаль, что мы не смогли пойти все четвертом – Я, Ритка, Никита и ты.

Артём стиснул изо всех сил зубы. Опять Никита!

– В другой раз, – пробормотал.

Наконец, прозвенел последний звонок, и свет погас. На широком экране побежали титры. Артём небрежно положил руку на плечо Оли.

– Не холодно? – прошептал, наклоняясь к ее лицу.

– Чуть-чуть, – выдохнула она, и парень крепче прижал ее к себе.

После нескольких рекламных отрывков начался фильм. Они так и сидели – Оля, упрямо вперившаяся в полотно экрана, и Артём, все также обнимавший ее за плечо и вместо фильма глядевший на профиль девчонки.

* * *

Было уже совсем поздно, когда они вышли из кинотеатра. Пока шёл фильм, на улице началась метель. Девчонка остановилась, в изумлении подняла к небу лицо.

– Ой, Артём, какая красота! Все такое белое!

Он молча хмыкнул. Ненавидел зиму и ничего красивого в этом не видел. Белый холодный порошок. Протянув Оле руку, помог ей спуститься по заснеженным ступенькам.

Какое-то время они молча шли по улице. Артём не знал, как начать важный разговор – ему хотелось расставить точки над i. Сегодня прекрасный шанс – они одни, рядом нет Ника, и никто не сможет ему помешать. Остановившись у подъезда, Оля повернулась к Артёму и утонула в его объятиях. Замерла, боясь пошевелиться, удивлённо подняла на парня глаза.

– Ты что, Тём?

– Оля, – он ещё сильнее прижал девчонку к себе. – Я хочу, чтобы ты стала моей девчонкой.

Наконец-то он произнёс эти слова и теперь стоял, в тусклом освещении одинокой лампы, напряжённо вглядываясь в лицо Оли.

– Твоей девчонкой? – глаза широко распахнуты, а в них удивление и настороженность.

– Ты мне очень нравишься, и мне хочется, чтобы ты была только со мной.

– Как это?

– Буду твоим парнем. Оберегать тебя, никому не давать в обиду. А потом мы с тобой можем пожениться. Когда тебе исполнится восемнадцать.

– Ох, – она прикрыла ладошкой рот. – Я не знаю. Ну да... наверное. Да, я согласна. – Радостно рассмеялась. – Ох, – схватила за ручку двери. – Тогда давай до завтра!

Оля исчезла за дверью так быстро, что Артём даже не успел как следует попрощаться. Может, так было и лучше. Он ещё не знал, что ему надо было делать – поцеловать ее на прощание, обнять? Черт, он ещё ведь и не целовался никогда, и теперь перед парнем стояла дилемма – поучиться с какой-либо старшеклассницей или стать в глазах Оли зелёным дурачком.

* * *

Оля

Я не смогла сдержаться и, несмотря на поздний час, набрала Ритке. Сонный голос подруги перестал быть таким, едва я озвучила будоражащую новость – Артём теперь мой парень.

– Вы уже целовались?

Этот вопрос застал меня врасплох. А ведь и правда – Артём даже не попытался поцеловать меня. А что если в следующий раз он попытается это сделать, а я профан профаном? Я даже не знаю, как и что делать.

– Мы обнимались. Пока только...

Подруга рассмеялась.

– Если ты хочешь быть девчонкой нашего Артёмчика, то запомни – ты должна быть лучшей во всем. Девчонки из параллельного класса рассказывали, что он уже всюду делает это.

– Что – это?

– Ну, Оля, ты чего не понимаешь? Чикается.

Чикается. Хорошо, что я всего-навсего разговаривала с Риткой по телефону, и она не могла видеть моих в мгновение вспыхнувших щёк и заблестевших глаз. В голове возникло столько самых разных вопросов – и к Артёму, и к Ритке, и даже к Никите. Значит, у Тёмки уже были с кем-то отношения?! Так хотелось расспросить подругу, но я не решилась. В последнее время мы немного отдалились друг от друга – я все больше времени проводила с Никитой и Артёмом, а на неё его совершенно не оставалось.

* * *

Полночи не могла уснуть, ворочалась, то хваталась за книгу, пытаюсь хоть как-то переключиться с мысли об Артёме, то откладывала ее, словно воочию видя перед собой ярко-голубые глаза парня. Теперь я его девушка, не просто подружка, с которой проводят весело время. Мечты о его объятиях и поцелуях волновали, и внутри все таяло, как сливочное мороженое в жаркий день.

Под утро мне приснился странный сон, будто я и Артём стоим под деревом в парке, прячась от дождя. Он наклоняется ко мне, я вижу его губы так близко и чувствую дыхание, закрываю глаза. А когда вновь открываю, встречаюсь взглядом с Никитой. Он хмурится, отталкивает меня и, поворачиваясь, уходит. Бегу за ним, а он скрывается за стволами деревьев. Он так далеко, и я в панике кричу.

– Оля! Что случилось? – голос мамы вырвал меня из сна. Она стояла в дверях перепуганная, халат небрежно брошен поверх ночной рубашки. – Ты кричала...

Я села в кровати, мысленно прокручивая сон. Господи, надо же такому привидеться. Откуда в моем сладком сне вдруг оказался Никита?

– Мам, который час?

– Слишком рано, чтобы всех перебудить. Ещё нет и семи утра, – пробурчала и, недовольно поджав губы, вышла из моей комнаты.

А я уже не могла даже помыслить о сне. На душе стало беспокойно. Может, я поторопилась с ответом Артёму? Мы так хорошо дружим все троём, и более близкие отношения с одним из моих друзей могут разрушить установившееся равновесие. Я не хотела терять ни одного из них. Наверное, стоит посоветоваться с Никитой. Он понимал меня лучше, чем я саму себя, и всегда внимательно слушал и направлял на верный путь.

* * *

Я кое-как съела приготовленный мамой завтрак – сырники со сгущенным молоком. Вскочила, бросила тарелку в раковину. На удивлённый вопрос пробормотала невнятное:

– Мне надо повидать Дика. Он меня ждёт.

– Ой, Дик ли? Заждался прямо-таки, – услышала за спиной.

Я уже была в прихожей, надевала туфли, срывая ключи с крючка.

7

*Свежие пушистые поляны.
Губы.
Тяжесть ослабевших рук.
Даже сосны, от метели пьяные,
Закружились с нами на ветру.*

(Юлия Друнина)

Никита

– Никит, это к тебе, – за дверью ванной раздался мамин голос.

Набросив на плечи большое махровое полотенце, я вышел. Сразу понял, что у Оли что-то случилось. То ли выдал блеск глаз, то ли румянец на щеках.

– Проходи, – мотнул головой в сторону своей комнаты. Мама тактично удалилась в кухню. Она у меня молодец, всегда даёт мне личное пространство и старается не лезть в дела. Едва мы остались одни, я повернулся к Оле: – Ну что у тебя случилось с утра пораньше? – спросил, а у самого внутри все замерло.

Прекрасно помнил, что вечер она провела вместе с Артёмом. Конечно, я доверял ему – да и как иначе, ведь он мой лучший друг, но вдруг между этими двумя что-то произошло?

– Никит, что бы ты сделал, если б лучший друг предложил тебе... ну... как сказать... более близкие отношения?

Мне стало смешно. Я представил, как Тёмыч подходит ко мне и, слегка обнимая за плечи, предлагает интим.

– Ольк, с ума сошла? Я даже представить себе этого не могу.

Она закусила губу.

– А что если я влюбилась в него?

– В него? Постой, так ты про себя говоришь? – сердце бешено застучало.

Я ведь ещё ничего и не предлагал, только собирался. Может, ей мама что-то сказала?

Взяв руки девчонки в свои, улыбнулся, заглянул ей в глаза:

– Ты тоже влюбилась?

Краснея, она кивнула.

– О, господи, как же я счастлив! – ладонями стиснул ее щеки.

– Только, знаешь, что? – она слегка нахмурилась. – Даже не знаю, как попросить тебя...

Но только ты мне можешь помочь, Никит... – Я выдохнул. Ещё бы! Да я для этой девчонки горы готов свернуть! Она продолжала, теперь опустив глаза. Длинные ресницы слегка подрагивали: – Я никогда ещё не целовалась, и мне страшно. Боюсь, что он посмеётся надо мной. Артём такой опытный...

Она ещё что-то говорила, но я уже не слышал. В ушах бились ее слова: «Артём такой опытный». Артём. Мой лучший друг. Ее лучший друг. Не я. Я опоздал. Те слова, которые так мечтал ей сказать, сказал другой. В оцепенении стоял, как истукан, слушал голос Оли, но не слышал. И не хотел слышать.

Она дёрнула меня за руку, и я очнулся по тому, как все внутри горело от боли, понял, что ещё жив.

– Никит, поцелуй меня.

– Что? – словно получил удар под дых.

– Поцелуй меня, пожалуйста. Тёмка рассказывал, что ты уже знаешь, как это делается. Ну, пожалуйста... – Теперь ее лицо было так близко, ее ищущие глаза, чуть приоткрытые губы.

Я никогда не целовался до этого. Когда-то мы говорили на эту тему с ребятами, но все в шутку, со смешками. Все, что я знал о поцелуях – это из фильмов, которые смотрела моя мама. – Я хочу, чтобы ты научил меня, как это правильно делается. Не хочу показаться зелёной дурочкой.

Черт. Оля меня просит научить ее целоваться, чтобы понравиться моему другу. Первая реакция была возмутиться, отказать ей, но мои губы сами потянулись навстречу ее губам.

Я легко прикоснулся к ним, упругим и в то же время мягким и податливым. Слегка провёл языком по верхней. Ольга замерла, перестала дышать. Была такая тишина, что казалось, удары моего сердца услышит мама. Слегка всосал нижнюю губу, затем языком приоткрыл сладкий ротик. Скользнул внутрь и, встретившись с языком девушки, слегка нажал на него. Теперь мои губы плотно обхватили ее рот, а руки – ее плечи. Услышал, как Оля простонала, прижимаясь ко мне. Я не мог поверить, что это не сон, и то, что сейчас вытворяю со своей любимой подружкой, происходит наяву. Любимой.

Ее язык до этого не сопротивляясь натиску, теперь напористо отвечал моему.

Наверное, надо было прервать это безумие, но как, когда чувствуешь, как ее ладони скользят по твоей шее, вплетаются в волосы на затылке, а из ее горла вырываются страстные всхлипы-стоны.

Оля первая не выдержала, откинула голову – глаза пьяные от страсти, растревоженные губы ярко-алые. Казалось, не держи я Ольгу за плечи – она бы рухнула на пол. Я чувствовал вибрацию ее тела. Да и меня самого сотрясала безумная дрожь. В паху нестерпимо ломило, и брюки распирало так, что застежка едва не лопалась.

– Никита... – прошептала еле слышно, прижала руку к губам.

– Прости, – наконец, убрал руки с ее плеч, отвернулся. – Я не должен был этого делать. Это больше не повторится. – Открыв дверь, оглянулся. Оля сидела на кресле, сжимая ладонями голову. – Поставлю чайник.

* * *

Оля

От лёгкого звука закрываемой двери, я очнулась. Эта его фраза: «Это больше не повторится» терзала мою душу, болью отдаваясь где-то внизу живота, там, где буквально минуту назад безумно размахивали своими крыльями бабочки. Это что, был самый обыкновенный поцелуй? А мне казалось, он унёс меня в небытие, откуда мне совершенно не хотелось возвращаться. Научилась ли я целоваться? Да как я могла знать? Меня словно взорвало изнутри и разметало на атомы.

Нет, нужно немедленно перестать думать об этом. Это просто небольшой дружеский урок. Я попросила, Никита согласился. Всё! А кому же ещё я могла довериться? Он мой самый близкий человек, лучший друг.

Вскочив с кресла, я заметалась по комнате. Как ни успокаивала себя, сердце продолжало грохотать, отдаваясь в висках.

Спасла ситуацию Маруся.

Стук в дверь привёл меня в себя.

Дверь приоткрылась, и в проёме возникло улыбающееся лицо женщины.

– Я уже заварила чай и кофе. Завтрак на столе.

* * *

Пока шла к кухне, слышала, как в ванной шумит вода. Никита, значит, там. Ну и хорошо. Я не знала, как теперь вести себя с ним, как смотреть ему в глаза. То, что произошло между нами, оказалось для меня полной неожиданностью.

Маруся хлопотала у плиты, а я, намазывая свежее испеченную булочку маслом, не переставала думать о случившемся и о том, почему совершенно не думаю об Артёме. И даже не заметила, как мама Никиты оказалась за столом напротив меня.

– Ты расстроена?

Я вздрогнула от неожиданности.

– Что? – не смогла поднять на неё глаза.

– Что случилось? – У меня защемило глаза, и слезы одна за другой потекли по щекам. – Я твой друг, Олечка, – женщина взяла меня за руку. – Посмотри на меня. – Ее голос был такой нежный и добрый, и так хотелось ей рассказать всё, но как? Никита – ее сын. – Я же вижу, какие искры пробегают между тобой и Ником.

– Мы с ним просто друзья, и никаких искр быть не может, – отрезала я.

– А почему ты тогда плачешь, и у тебя в глазах смятение. Мой сын хочет большего, чем дружба?

– Нет, вы ошибаетесь, – я вскочила из-за стола, едва не опрокинув чашку с недопитым чаем. – Ни он, ни я ничего, кроме дружбы, не хотим. И у меня уже есть парень. Артём. – Я видела, как брови Маруси удивленно поползли вверх. – Я люблю его. А он меня. А Никита здесь вовсе не причём.

– Ну что ж, – она вздохнула, как мне показалось, разочарованно. – Всё-таки на правах подруги я хочу предупредить тебя. Сядь, Оль, и послушай меня.

Мне не хотелось ничего больше слушать, хотелось просто уйти. Забраться на свой диван, обхватить свою подушку и наревестись вдоволь. От стыда, от обиды, которую я ощущала, но так и не поняла почему, от этих странных перемешанных и вывернутых наизнанку чувств. Вместо этого я послушно опустилась на стул, утёрла слезы и приготовилась слушать свою старшую подругу.

– Ты сейчас находишься в таком возрасте, когда твои гормоны бушуют, как стихия, и, вполне вероятно, тебе порой будет казаться, что ты знаешь наверняка, что делаешь. Твоё тело полностью оформилось, и теперь ты красивая и женственная. Все его клеточки и нервные окончания, все твои органы чувств распахнуты для неизведанного и таинственного, которое так и тянет опробовать. В тебе буйствует весна, и хочется всего с лихвой и сразу. В это время так легко ошибиться, оступиться и ранить себя, иногда на всю жизнь. Ты мне дорога как дочь, и я хочу попросить тебя не торопиться убивать в себе весну. Дай возможность и время не только своему телу, но и уму. Прежде чем начинать взрослые отношения, ты должна подумать, а стоит ли игра свеч, что будет потом, к каким последствиям это приведёт? Не торопись. Пока есть возможность просто дружить – дружи. Прислушайся к своему внутреннему голосу. Вот и все, что я хотела тебе сказать.

Еле сдержалась, чтобы не закатить глаза. Не думала, что Маруся будет читать мне подобные лекции. Что ж, обязательно подумаю над ее словами, но потом, когда будет время. А сейчас больше всего на свете мне хотелось оказаться у себя дома.

Я поднялась из-за стола.

– Мне пора идти, – промямлила и уже повернулась к двери, когда Дик, радостно виляя хвостом, выскочил в кухню и, набросившись на меня, принялся лизать мне лицо.

– Ой, Дикушка...

Я обхватила пса за шею, и вовремя – дверь ванной открылась, и оттуда вышел Никита. Стараясь, чтобы парень не увидел мое заплаканное лицо, я вжалась как можно глубже в собачью холку, продолжая бормотать ласковые слова. Затылком чувствовала, что Никита стоит рядом и смотрит на меня. Когда молчание чересчур затянулось, и запас ласковостей исчерпался, я медленно подняла на Никиту глаза.

Как ни странно, на его лице не осталось следов смущения, может, только было чуть бледнее обычного. Я боялась, что Никита спросит, почему у меня красные заплаканные глаза, но он, как обычно, улыбнулся и спросил:

– Похоже, я опоздал к чаю?

В горле снова возник слезный комок, и я только и смогла, что кивнуть.

– Дик, иди ко мне, дурачок, – он присел на корточки, и теперь наши лица были в опасной близости друг от друга. По крайней мере, для меня, потому что вдруг поняла, что снова хочу почувствовать его губы на своих губах.

– Никита, – и опять Маруся вовремя вмешалась, – твой кофе готов, садись за стол, а я пока провожу Олю до дверей.

Бросив быстрый взгляд на парня, увидела, как он нахмурился, собираясь возразить.

– Ник, все уже остыло, поторопись.

Когда я уже стояла в дверях, Маруся подошла ко мне и, обняв, прижала к груди.

– Ты хорошая девочка, Лёль, слишком хорошая. Не позволяй никому сбить себя с пути. Машинально кивнув в ответ, шмыгнула за порог.

* * *

Закрыв за соседкой дверь, Маруся прислонилась к ней спиной. Слышала, как в кухне Никита звякает ложкой, размешивая сахар в чашке. Вот и наступила, наконец, черед материнских переживаний – сложный возраст, первая любовь, буйство чувств. Правильно говорится: маленькие детки – маленькие бедки, большие детки – большие бедки. Теперь ей предстоит проявить свою материнскую мудрость и стратегию. Перво-наперво надо поговорить с сыном. Мальчик влюблён в свою подружку, а она запуталась в своих чувствах, да и слишком юна.

Женщина, стараясь ступать неслышно, подошла к двери кухни. Какое-то время стояла, разглядывая сына. Тот сидел, задумчиво уставившись в чашку с чаем – брови нахмурены, лоб прорезала вертикальная складка.

Маруся слегка кашлянула, и Никита поднял на неё глаза. А в них смятение, которое ему не удалось скрыть.

– Мам? – голос сорвался.

– Ник, пожалуй, нам надо серьезно поговорить.

– О чём?

– О тебе, о ваших с Олей чувствах.

– Не о чем говорить, мам. Никаких чувств нет. – Маруся слегка рассмеялась, а Никита продолжил: – Ей нравится другой, а я просто третий лишний.

– Поверь мне и запомни – лишних не бывает. Ты для Оли очень хороший друг, и она доверяет тебе больше, чем кому-либо. Это очень важно. Оставайся лучшим другом, и тогда тебе никогда не придётся быть лишним.

– Все, мам, прекрати. Я все понял, – он поднялся из-за стола. – Тебе не стоит переживать.

Маруся смотрела, как сын убирает со стола тарелку, чашку с чаем, аккуратно ставит посуду в раковину. Вдохнула. Ему только шестнадцать лет, и ещё столько переживаний, взлетов и падений впереди.

– Оставь все, я сама помою посуду, – сказала, когда он открыл кран.

Молча пожав плечами, парень вышел из кухни.

8

*Вино и время не жалея,
садись не с каждым, кто знаком:
похмелье много тяжелее,
когда гуляли с мудаком.*

(Игорь Губерман)

Артём

Артём сидел на заснеженной лавке, скрытой в кустах. Он был в ярости. Хотелось бить и крушить все вокруг, но, кроме ржавой консервной банки, которую он что было сил пнул, под руку ничего не попадалось. Снег белыми хлопьями падал на разгоряченное лицо парня и тут же таял.

Казалось, день начался замечательно. Этим субботним утром он позволил себе подольше поспать, а потом ещё долго валялся в постели, потягиваясь с довольной улыбкой. Девчонка, которая ему больше чем нравилась, не отказала ему и с готовностью согласилась стать его. Прикрыв веки, Артём уже представлял, как они сидят на чёрной лестнице одной из многоэтажек, он обнимает Ольку, грея свои замершие ладони под ее курткой. Даже представил приятную тяжесть округлых грудок, отчего его восставшая плоть вздыбила одеяло. Наскоро позавтракав и бросив родителям невнятное «буду вечером», Артём нацепил куртку, обмотал вокруг шеи тёплый шерстяной шарф и, сунув ноги в сапоги-сороходы, выскочил за дверь.

Какое-то время в нерешительности топтался у подъезда, обдумывая встречу с теперь «своей» девчонкой, но, наконец, решившись, дёрнул тяжелую дверь на себя.

* * *

Ему открыли не сразу – парню пришлось настойчиво трезвонить, пока по ту сторону не послышались быстрые шаги и не раздался сердитый голос Ирины Викторовны, Олиной матери.

– Кого ещё несёт? Никакого покоя в субботу, – гремя дверной цепочкой и щёлкая замками, ворчала она. – Единственный выходной день, и все равно прутся.

– Тёть Ир, это я, Артём.

– А, Темочка, – в приоткрытой щели двери показалось заспанное лицо женщины. – Заходи. Моя коза тоже только что явилась, – она мотнула в сторону плотно закрытой двери в комнату дочери. – Сидит, дуется там.

Артём снял обувь, куртку и под заинтересованным взглядом Ольгиной матери постучался в дверь.

* * *

Ольга выглядела испуганной и как будто чем-то смущенной – выдавали суетливые движения, бегающий взгляд. Она вскочила с кресла, едва Артём вошёл в комнату.

– Ой, привет. Не ожидала, что ты зайдёшь. Что так рано?

Он выдохнул, улыбнулся, подходя ближе.

– Еле дождался, когда увижу тебя, Оль.

Сделал ещё шаг к ней. Девчонка выставила вперёд руки, останавливая парня.

– Тём, слушай, – ее лицо покрылось пятнами. Артём заметил, как она нервно стиснула руки. – Знаешь, я... я передумала.

– Что передумала?

– Ну... быть твоей девчонкой...

Внутри все взвилось от возмущения. Как это так?! Вчера одно, а сегодня уже другое? Да с его популярностью в школе отбоя от девчонок никогда не было, а тут эта кобенится! Ну да, Оля классная, с ней интересно, и хорошенькая... да, черт побери, Артёму нужна она, только она, и никто больше!

Он набычился.

– Оля, я не понимаю. Я думал, что мы нравимся друг другу, и...

– Тёмочка, – девчонка в отчаянии заломила руки. – Но мы же друзья! И Никита друг тоже. Я не могу так... пока не могу.

– Ну все ясно, – Артём хмыкнул, сдунул со лба чёлку. – Снова твой Ник.

– Почему мой? Он такой же мой как и твой. Я вас обоих очень-очень люблю. Как друзей.

– Ладно, проехали, – он сглотнул внезапно возникший в горле ком. Надо же, такой облом. Похоже, ветер дует от Никитоса. Ничего, он ещё пожалеет, сволочь. Не знает против кого батоны крошит.

– Ты обиделся? – Оля сократила расстояние между ними, заискивающе заглядывая Артёму в глаза.

– Нет, что ты, – равнодушно пожал плечами. На самом деле ему хотелось хорошенечко встряхнуть эту глупую утку. – Ну я пойду. Мать велела в магаз стогнать за молоком и хлебом. Пойдёшь со мной?

Артём знал, что Оля откажется. Сейчас ему нужно побыть одному, чтобы никто не попался на глаза, иначе он сорвётся.

Парень долго бродил по заснеженным улицам, затем свернул в сторону Сиреневого бульвара. Нашёл лавку и теперь сидел, не обращая внимания на усилившийся снегопад и холод.

* * *

Оля

Похоже, Артем на меня всерьёз обиделся. Перестал заходить по утрам, а когда я звонила ему, то разговаривал с неохотой, словно общение со мной было ему в тягость. А после уроков проносился мимо нас с Никитой, наскоро хлопая того по спине.

Я скучала по Тёмке, по его бесшабашной улыбке, шуткам, по тягучему взгляду голубых глаз. Знала, что Никита с ним видится почти каждый вечер – парни начали вместе ходить в секцию кикбоксинга. Меня так и подмывало разузнать у Никиты об Артёме, но я не решалась, опасаясь лишних расспросов. Боялась, что не выдержу и расплачусь.

После того случая с поцелуем я старалась не поднимать в наших разговорах личные темы, хотя Никита вёл себя словно ничего и не произошло. Да, наверное, так оно и было – для парней обыкновенный поцелуй имеет небольшое значение. А вот для меня...

Думая об Артёме, я вспоминала Никиту, его руки, вкус его губ, и ничего не могла с этим поделаться. А когда я была рядом с Никитой, то невыносимо скучала по Тёмке. Самое ужасное было то, что мне не с кем было поделиться своими переживаниями.

* * *

В тот день мне пришлось задержаться в школе. В конце недели ожидалась контрольная по химии, и мне было необходимо проконсультироваться с учительницей. Она задерживалась,

и я сидела одна в пустом классе. Никита забежал, потоптался немного у дверей и, состроив скорбную рожицу, удалился – у него была тренировка по кикбоксингу.

От нечего делать я уставилась в окно. Дни становились длиннее, снег начал стаивать, и весеннее солнце, выглядывавшее из-за белых курчавых облаков, старательно растапливало его. По школьному двору со звонкими криками носились младшеклассники, а чуть в отдалении курили уже достаточно взрослые ученики.

– Чужакова, что задумалась? – голос химички вывел меня из расслабленного состояния. – Могла бы хоть учебник открыть.

– Извините, Марь Борисовна, – я сделала виноватое лицо, для приличия похлопав ресницами.

– Ну что тебе непонятно, реакции, уравнения? Или ещё какие проблемы? Тебе вместо того чтобы парням головы кружить, лучше б учебные материалы лишний раз просмотреть.

На скрип двери позади Мария Борисовна обернулась, всплеснула руками.

– Ну вот, что и надо было доказать – не один, так другой. Что тебе, Агеев?

– Мария Борисовна, – Артём невинно глядел своими голубыми глазами на учительницу. – Всего-навсего узнать долго ли мне ждать Олю.

– Долго. Мы даже ещё не начинали заниматься.

– А можно ее на пару слов?

Женщина недовольно хмыкнула, насупила брови, но не в силах противостоять обаянию голубоглазого красавчика, согласно кивнула:

– Одна минута. Ишь!

Соскочив со стула, я бросилась к двери.

– Тёмка! – не сдерживаясь, повисла у друга на шее. – Ну, наконец-то! Где ты пропадал так долго?

– Тише, тише, – парень огляделся по сторонам. – Я тоже соскучился.

– А я думал, ты обиделся на меня тогда...

– А, это... – он махнул рукой. – Ерунда. Нет, конечно. Как я мог обидеться на свою любимую подружку? – «Любимую подружку»... От каких-то особых ноток в его голосе все внутри меня ожило и затрепетало. И этот его взгляд... – Давай быстрее занимайся, а потом сходим в одно место.

Мои глаза округлились.

– Куда?

Парень приложил палец к губам и взглядом указал мне на дверь.

– Иди, Оль, иди. Потом узнаешь, – и легко подтолкнул меня в спину.

Нужно ли говорить, что дополнительные занятия по химии пошли насмарку, и Мария Борисовна была очень недовольна напрасно потерянным временем?

* * *

Артём ждал меня, сидя на ступеньках. Увидев, как выхожу из дверей, тотчас же бросился навстречу, схватил рюкзак, поморщился:

– Давно не таскал таких тяжестей.

– Ну вот теперь привыкай.

Взявшись за руки, мы перепрыгивали через лужицы.

– Так куда мы идём? Что за тайна, покрытая мраком?

– Сначала мы идём к тебе, ты быстро переодеваешься в самый офигительный наряд, и мы идём на вечеринку.

– Вечеринку? Посреди недели?

– Тем, кто устраивает вечеринку, без разницы какой день недели.

– Погоди... – я остановилась в нерешительности. – К кому ты меня ведёшь?
– Да не бойся ты, Ольк, мои друганы. Просто хочу пойти вместе с тобой, вот и всё. Да, они чуть старше, но зачётные пацаны.

Чуть подумав, кивнула:

– Только, чур, ненадолго – завтра в школу, да и мама убьёт.

Я быстро просчитала во сколько мне надо быть дома, чтобы она ничего не заметила – сегодня она работала допоздна, а значит, раньше полуночи не вернётся.

Оставшуюся дорогу до дома судорожно придумывала, что надеть на эту спонтанную вечеринку.

* * *

Артём

Они потратили целый час на дорогу – сначала на метро до Семёновской, потом на трамвае в сторону Сокольников. Артём держал озябшие ладошки Оли в своих руках, время от времени поднося ко рту и дыша на них.

Костя, один из парней, с которыми он летом тусовался на автовокзале, позвонил прошлым вечером, слегка удивив. Они не были закадычными друзьями, так, приятелями, и последний раз виделись в конце лета. Костя устраивал вечеринку в честь своего дня рождения и предложил Артёму приехать.

– Арт, ты только тёлку хоть какую-нибудь прихвати, а то у нас перевес парней. Хоть глаз порадовать, а то уж больно скучно.

Вот так и пришла Артёму идея взять с собой в гости Олю.

Девчонка долго выбирала наряды, снимала с плечиков одно за другим платья, Артём хмурился и отрицательно мотал головой, и она с раздражением отбрасывала неподходящее в уже достаточно внушительную кучу на полу. Его так задолбало наблюдать за бессмысленными поисками наряда, что после получаса поисков парень, наконец, со вздохом произнёс:

– Да вот это красное одень, и дело с концом.

– Красное? Такое яркое... – девчонка с сомнением покачала головой.

– Зато тебя сразу заметят.

– Тём, ну что ты?! Я вовсе и не хочу, чтобы на меня все пялились.

– Давай, давай! Нечего прятаться как улитка. Ещё губы накрась под цвет платья.

Оля на миг представила реакцию мамы, если бы та ее увидела в таком виде. Вздохнула.

– Губы крашу там. Не поеду так через всю Москву.

Девчонка прошла в ванную, взяла с полочки мамину ярко-красную помаду и бросила в сумочку.

Артём одобрителем выставил большой палец.

К старому трехэтажному зданию из темно-красного кирпича они подошли, когда совсем стемнело.

– Только совсем недолго, хорошо? – Перед тем как войти в тёмный гулкий подъезд, попросила Оля.

– Угу, – мысли Артёма уже были заняты другим. Откуда-то сверху доносилась музыка, невнятные голоса, смех. Парень потянул девчонку за руку. – А, да, не забудь губы намазать.

Ему хотелось, чтобы его приятели оценили его девчонку по достоинству. Олька хоть и выглядит совсем юной, но все женские прелести у неё при себе. А мазнёт помадой по губам – вообще за двадцатилетнюю сойдёт.

Лифта не было, и им пришлось пробираться по лестнице в темноте. Между вторым и третьем этажами они едва не врезались в парочку, обжимавшуюся в углу возле мусоропровода.

– Ой, извините... – пробормотала Оля и ещё крепче вцепилась в Артёма.

Дерматиновая дверь была приоткрыта, и оттуда валили клубы сигаретного дыма.

– Не бойся, тут все свои... – голос Артема показался Оле не очень уверенным.

– О, Арт! – раздался насмешливый голос. – Здорово, приятель!

Оля, стараясь казаться уверенной в себе, вскинула подбородок. Парень, подошедший к ее другу, был нездорово худым и очень высоким. Девчонка уловила исходящий от него какой-то неприятный, слегка кисловатый запах.

– А это твоя тёлка? – его оценивающий взгляд скользнул по лицу Оли, затем вниз, оставившись на ее груди.

Артём собственнически обхватил плечи девчонки и скользнул губами по ее шее.

– Да, моя.

Слово «телка» неприятно покорило. Оля дёрнула плечом.

– Мы с Артёмом друзья, – она высвободилась из его объятий, – меня зовут Оля.

– О-ля-ля, – протянул Костя. – Ну так это даже лучше, что ты не его девчонка. Давайте, проходите, не стесняйтесь.

Парень кивнул в сторону комнаты, где в полумраке сидели, лежали, бродили и изгибались под музыку какие-то люди. Было странно видеть так много гостей в совсем небольшой квартирке. Артём узнал кое-кого и вскоре исчез в толпе. Казалось, музыка стала ещё громче, перебиваемая громким смехом и вскриками. Кто-то сунул в руку Оли стакан с напитком.

* * *

Оля

Я в ужасе озиралась по сторонам, пытаюсь отыскать в темноте своего друга. В одной руке у меня был стакан, который я сжимала с такой силой, что он вот-вот мог лопнуть. Другой рукой судорожно нащупывала телефон. В помещении было душно – смесь парфюма, запаха пота, дыма и алкоголя. Мне было страшно и за себя, и за Артема – я была уверена, что он и сам не ожидал, что вечеринка будет такой.

– Эй, привет, – раздался женский голос прямо над самым ухом. – Ну, наконец, хоть есть с кем потрепаться. Тебя как зовут?

– О-ля, – ответила я, слегка заикаясь.

– А я Света. Парни называют меня Светик-минетик. – Я резко обернулась. Явно девица была под влиянием либо алкоголя, либо ещё чего. Достаточно простенькая на личико, она была одета в чересчур откровенный наряд, практически открывавший на обозрение ее пышную грудь. – Чего пьёшь? – она усмехнулась, указывая на стакан в моей руке.

Я непонимающе поглядела на свой стакан. Господи, да я и не собираюсь ничего пить! Мне шампанское-то первый раз налили на прошлый Новый год.

– Не, я не пью.

– Тогда давай сюда, – Светикхватила у меня из рук стакан и залпом выпила содержимое.

– А ты не видела Артёма?

Девица пожала плечами, потеряв ко мне интерес.

– Привет, малыш, – я вздрогнула, почувствовав прикосновение чьих-то рук к моей пятой точке. Резко обернулась и почти нос к носу столкнулась с каким-то типом. – Потанцуем?

Замотала головой, но это не помогло – парень уже тащил меня на середину комнаты. Его лицо было так близко, что наше дыхание смешивалось, вызывая у меня позывы к тошноте.

Неожиданно он приник губами к моей шее. Я дёрнулась.

– Шш, девочка моя, расслабься, – затем его рука нырнула в вырез моего платья. – Хорошенькая такая...

– Отпусти меня! – голос сорвался на тонкий писк, глазами я выискивала Артёма. Зачем он привёл меня сюда?

Я не заметила, как оказалась прижатой к стенке. Парень схватил меня за руки, а его колено вонзилось между моих ног.

– Не рыпайся, все будет хорошо... – в полумраке я видела блеск его шальных глаз.

– Пусти ее! – услышав такой родной голос, я почувствовала прилив сил. Артём.

– Не будь жадным, Арт, – усмехнулся мой захватчик. – Тебя разве мама не учила делиться с друзьями?

– Это моя девчонка, – Артём стоял, глядя на парня исподлобья, кулаки крепко сжаты.

– Закон джунглей, пацан! – он вдруг вытянул руку и щёлкнул Тёмку по носу, совсем как непослушного щенка.

Воспользовавшись тем, что парень на секунду отпустил меня, я выскользнула из-под его руки и бросилась вон из комнаты. Кто-то пытался остановить меня, перехватить, цеплялся за руки. В ушах стояла какофония звуков: смеха, звона стекла, музыки, обрывков разговора. Дверь в ванную была не заперта, и я влетела внутрь в надежде, что обо мне забудут. Сидела на краю ванны в крошечной темноте – не успела включить свет, прислушиваясь к звукам извне.

Где же Артём? Я ожидала, что вот-вот он появится, я услышу его голос, и мы сможем покинуть это ужасное место. Мне даже казалось, что слышала его голос, но время шло, а я так и продолжала сидеть, забытая всеми. Стало до слёз обидно – ещё пару часов назад я старательно наряжалась, прыскала духами, мы с Тёмкой весело чему-то смеялись по дороге на вечеринку, а сейчас? Всхлипнула, почувствовала, как на глаза набегают слезы. В дверь кто-то дёрнулся, затем начали долбить в неё изо всех сил.

Опять стало тихо. Из сумочки достала телефон – какая дура, совершенно забыла о нём! – и набрала номер Тёмки. Тот ответил не сразу. Голос его был расслабленным и вялым.

– Тём, ты где? Ты что, про меня забыл?! – от злости даже захотелось топнуть ногой.

Друг рассмеялся:

– Не парься, Лёль, чего ты? Такая веселуха.

– Твои друзья ненормальные, – зашептала я громким шёпотом.

– Да нормальные пацаны, клёвые. Ты им просто понравилась. Они аж все обзавидовались мне.

Артём снова засмеялся, а мне захотелось вдребезги разнести телефон. Да и все вокруг тоже. Обзавидовались они ему! Тоже мне, друг! На дисплее высветилось время – десять тридцать. Ещё каких-нибудь пара часов – и мама будет дома, а значит, скандала и головомойки не избежать. Решительно отодвинув задвижку на двери, я вышла из своего укрытия. Пока пробиралась сквозь, казалось, выросшую вдвое толпу, ругала себя на чем свет стоит за то, что выбрала это платье, действовавшее на мужской контингент, как красная тряпка на быка.

Артема нашла полулежавшим в кресле. Рядом развалилась какая-то девка, лохматая и явно не первой свежести.

– Тёма, – я тряхнула друга за плечо. – Немедленно вставай, нам надо идти.

Он смотрел на меня, но словно не видел.

– Лёлик, погоди, – пробормотал, пытаясь встать. – Дай отдохнуть. Что-то нет сил. Так хорошо...

– Говори адрес, я вызову нам такси! – у меня не было с собой денег, но я надеялась, что были у Артёма.

Заплетающимся языком парень кое-как пробормотал мне название улицы и дома.

– Пойдем, – дёрнула его за руку. Наверное, он всё-таки заметил, что я очень уж рассердилась, и попытался подняться.

– Золотко, – знакомый голос. Этот Костя вновь стоял позади, обдавая меня перегаром. – Куда ты уводишь моего приятеля? Он отдыхает. Мы все тут отдыхаем, и нам по кайфу.

– Мне надо домой.

– Домой ты всегда успеешь. Иди ко мне, глупышка, развлечемся...

– Ты чего, Костян, убери от неё руки! – Артём, наконец, начал приходить в себя. – Она – моя. – Артём не успел уклониться. Кулак Кости угодил ему в скулу. Мой друг покачнулся, едва устояв на ногах, чуть пригнувшись, встав в стойку. – Оль, давай, дуй отсюда! – Остолбенев, я смотрела, как парни, словно нахохлившиеся воробьи, готовы были вцепиться друг в друга. – Сказал, беги!

Отступив на шаг назад, я врезалась в приоткрытую дверь. Все происходящее казалось каким-то отвратительным сном. Сбегая галопом по лестнице, яростно жала кнопки телефона.

9

*На крутых поворотах любви, порой, личный выход из жизни
любимого человека – единственный шанс остаться в своей.*

Игорь Субботин

Никита

Мама уснула в кресле перед телевизором. Рядом с ней валялся мобильник. Усмехнулся – наверняка разговаривала с отцом. Лицо ее было уставшим, и я, решив не будить, накрыл ее пледом. Выхватив с полки первую попавшуюся книгу, прилёг на диван. Читать не хотелось, но так было легче засыпать. В последнее время самые различные мысли назойливо лезли в голову именно тогда, когда надо было спать.

Дверь приоткрылась, и Дик просунул свою морду, будто спрашивая разрешения войти.

– Входи, красавчик, – протянул к собаке руку, чтобы погладить.

Дик действительно выглядел теперь по-другому. После длительного лечения – у него были сломаны несколько рёбер, порваны лёгкие и повреждена селезенка – мы с мамой его здорово откормили, и теперь его шерсть лоснилась, глаза блестели, и даже походка у него стала совсем другой. Пёс, прядая ушами, положил голову мне на колени и заискивающе на меня смотрел, показывая, что соскучился по Оле.

Сразу после окончания тренировки я позвонил своей подруге, но, не дождавшись ответа, оставил ей сообщение на телефоне. Просил перезвонить мне при первой возможности. Тёмычу тоже дозвониться не удалось, и, вспомнив, что тот собирался повидаться с Ольгой, занялся своими делами. Прогулял Дика, разобрался в своих вещах, которые постирала мама, и уже совсем после ужина занялся переводом документов – небольшой подработкой, которую получил в одной из редакций.

* * *

Наверное, я устал, потому что когда раздался звонок, проснулся не сразу – думал, что это мне снится. Не открывая глаз, рукой нащупал телефон, уронил его на пол и только тогда окончательно пробудился. В трубке раздавались какие-то непонятные звуки – всхлипы, тяжёлое дыхание. Наконец, разомкнув веки, увидел на дисплее номер своей подруги. Мгновенно страх обдал холодом все внутренности.

– Что? – крикнул. В ответ раздался жалобный плач. – Говори же!

– Никита... Забери меня отсюда!

Времени на расспросы не было.

– Где ты? – Заикаясь, девчонка назвала адрес. Н-да, по-быстрому туда можно было доехать только на такси. Я знал, где это находится только приблизительно – ещё не изучил досконально московские улицы. – Жди, никуда не уходи, скоро буду.

– Тёмка та-ам...

– Угу, – отключился. Натянул джинсы, рубашку, свитер, стянул куртку с крючка.

Мама выглянула из комнаты:

– Ты куда?

Я только махнул рукой и скрылся за дверью.

Пока ехал, считал минуты, которые, казалось, пролетали со скоростью света. Едва машина остановилась у подъезда старого кирпичного здания, выпрыгнул, громко хлопнув дверцей, чем вызвал неудовольствие водителя-частника. Вернулся, чтобы извиниться и попросить подождать, обещая заплатить двойной тариф.

Даже не сразу заметил Ольгу. Она сидела на ступеньке, сжавшись в комок, жалкая и дрожащая от сдерживаемых рыданий. Свет тусклой лампочки под козырьком подъезда освещал ее опухшее от слез лицо. Увидев меня, девчонка вскочила, бросилась ко мне, но, не удержавшись на ногах, упала.

– Ой, – сморщилась от боли, потёрла колено.

Я подхватил ее.

– Ну-ну, тише, тише, я здесь.

– Никит, там Артём остался...

– Иди в машину, я сейчас вернусь, – вбежал в темное парадное.

Мне даже не нужно было искать номер квартиры – шум доносился с последнего этажа. Дверь была открыта, и я беспрепятственно вошёл внутрь. Оттолкнул кого-то, попавшегося на пути. Артёма увидел сразу – он, покачиваясь, стоял и спорил с двумя парнями. Понял это по злему прищурю глаз и кривой ухмылке своего друга. Один из парней был настроен достаточно агрессивно и, похоже, драка готова вот-вот развязаться.

– Приветик, – стараясь выглядеть, словно только встретил своих корешей, я раскинул руки, растянул губы в улыбке до самых ушей. – Сколько лет, сколько зим, братва! – Взгляды всех троих замерли на моем лице – сначала хмурые, сомневающиеся, а затем нарочито радостные, будто я и впрямь их хороший знакомый, которого они давно не видели. – Рад вас всех видеть, – похлопав одного из парней по спине, обратился к Артёму. – Арт, ты ли это? Ну ты и вымахал! А вы, пацаны, чего стоите, давайте за встречу, что ли?

Долговязый парень кивнул, дёрнул своего приятеля за руку.

– Водяру будешь?

Я хмыкнул.

– Да вы чего, пацанва? У меня кое-что получше есть. А ну-ка, Арт, сгоняй в мою тачку за парой бутылей «Jack Daniels».

– В тачку? – Артём выпучил на меня глаза, невольно вызывая у меня раздражение. Ещё не хватало сорвать весь этот спектакль.

– Давай, чеши поскорее, трубы горят, – приобняв за плечи парней, которые уже сменили гнев на милость, подмигнул другу. По-моему, он всё-таки врубился – выскочил за дверь. Подождав пару минут, я нахмурился. – Ох ты, черт, ключи-то у меня, – рассмеялся. – Дурак... аль моментик, други, сейчас все будет в ажуре.

Похлопал напоследок уже облизовавшихся в предвкушении парней и ринулся за дверь.

* * *

Оля

Когда увидела выбежавшего из подъезда Артёма, у меня словно камень с сердца свалился, но тут же вспомнила о Никите. Где он? Почему Тёмка один?

Я открыла дверцу машины.

– Тёмка, я здесь! – махнула ему рукой. Парень бросился ко мне – лицо испуганное, и даже в темноте показавшееся мне бледным. Он плюхнулся на заднее сиденье, бросил на меня взгляд обезумевших глаз.

– Откуда ты здесь? Что, мать вашу, происходит? Откуда Ник знает Костяна? – Заметив, что мой подбородок задрожал, схватил меня за руки. – Оль, честно, я не думал, что пацаны на тебя так западут... я правда не хотел.

– Где Никита? Ты что, оставил его там?

– Да ладно тебе. Ничего с ним не случится. Он с пацанами бухать собрался.

– С ума сошёл? Он не пьёт! – Что-то явно не стыковывалось, и я открыла дверцу, собираясь выскочить на поиски своего друга, когда из подъезда вышел Никита. Быстро подошёл к машине и, сев на переднее сиденье, коротко бросил водителю:

– Поехали.

Всю дорогу молчали.

Глядя на затылок Никиты, с удивлением думала, что вот он, такой спокойный, сидит, словно ничего не произошло, и даже не задаёт никаких вопросов. Или ждёт, что мы с Артёмом сами расскажем о происшедшем? Представив, что я описываю ему, как какой-то парень лапал меня своим отвратительными руками и слюнявил шею, я содрогнулась.

Никита, словно почувствовал мое состояние, обернулся:

– С тобой все в порядке?

Молча кивнула. Он не видел, но понял и без слов. У нас всегда с ним так.

Машина остановилась.

Пока Никита расплачивался с водителем, мы с Артёмом вышли.

– Олик, ну правда, прости, – он взял меня за плечи, заглянул в глаза. Даже при слабом освещении фонаря я видела искреннюю тревогу на его лице, а глаза... Глаза были как беспокойное море.

– Угу.

Никита подошёл, указал на часы:

– Тебе пора домой. – Ну совсем как строгий родитель. Затем закусил губу, исподлобья поглядел на Темку, виновато опутившего взор. – Завтра поговорим.

И, взяв меня за руку, потянул в подъезд.

* * *

Артём

Они не разговаривали несколько дней, и Артём уже начал думать, что Никита решил вычеркнуть его из списка своих друзей. Как ни странно, парень почувствовал, что ему не хватает общения с чересчур педантичным и уравновешенным другом. Артём думал, что Никита пропесочит его, выскажет недовольство, но тот молчал, словно ничего не произошло. Даже в школе Никита будто избегал Артема – сидел на уроках, старательно записывая конспекты и внимательно прислушиваясь к учителям. В перерывах между уроками тот проводил время или с другими парнями, или с Ольгой. Артём не решался присоединиться к ним. Надеялся только, что на тренировке им волей-неволей придётся как-то общаться.

Все разрешилось гораздо проще – Никита позвонил и пригласил Артема на свой день рождения.

– Много гостей?

– Да нет, ты и Лёлька. Ну, может, Ритка придёт, – голос Никиты звучал буднично и, казалось, он не держит зла на Артёма.

– Какие-то пожелания?

– Пожелания? – тот хмыкнул. – О чём ты? Просто приходи.

Повесив трубку, Артём потёр руки. Значит, Никита не злится на него. Ну вот и чудненько.

Артём прикинул, сколько у него осталось монет – хватало только на бутылку вина, да и то самого дешевого. Просить мать о деньгах он не решался. После того как на прошлой неделе он вытянул из ее кошелька четверть зарплаты, у них были натянутые отношения. Выход из ситуации нашёлся просто – Ольга. Артём запросто может присоединиться к ней, и они подарят Никите совместный подарок.

Он немного колебался, прежде чем набрать номер телефона девчонки – после того вечера они не виделись, и, несмотря на то, что Оля заверила, что не держит на него обиду, Артём чувствовал себя не в своей тарелке.

Оля подняла трубку сразу.

– Ой, Тёмка, привет. С тобой все в порядке?

– А что со мной может быть не так?

– Не звонишь, не заходишь...

Он ухмыльнулся.

– Ну, если ты так волнуешься обо мне, то почему сама не позвонила и не узнала, что со мной? Небось, если Никитос тебе день не позвонит, сразу побежишь выяснять, что с ним приключилось? – зло выпалил и тут же пожалел, потому как на том конце повисло молчание. – Извини...

– Да ты что, Артём? Я все эти дни только и думала, что о тебе. И Никита...

– Никита... – эхом отозвался Артём. – Ладно, проехали.

– Ты будешь у него на днюхе? – спросила Оля, меняя тему разговора.

– Разумеется. Вот, хотел узнать, не хочешь ли ты встретиться, побродить по магазинам, поискать ему подарок?

– Вообще-то у меня уже есть для него подарок, но если ты хочешь...

– Угу, ну понятно – купила подарок, а мне даже не сказала.

Оля что-то ещё объясняла, чувствуя неловкость, но Артём уже не слушал. Его бесило, что эти двое, называвших его другом, словно выбросили его за борт, посчитав лишним. Никита, что, думает, что лучше всех, лучше него? Ничего, Артём ещё сделает так, что Олька будет заглядывать ему в рот.

* * *

Как только отец вернулся с работы, Артём выскочил в прихожую.

– Привет, пап.

Тот удивлённо посмотрел на сына. Обычно его не вытащить из комнаты – или занят компьютерными играми, или смотрит какую-то забугорную ахиною по телевизору. Родители уже давно отвыкли от разговоров с сыном, а чтобы тот с готовностью выбегал из комнаты и встречал родителей в дверях, было выходящим из ряда вон.

– Что-то случилось, сын?

– Пап, мне нужна твоя помощь.

Тот хмыкнул. Ясно – материальная.

– Сколько?

Не особо смущаясь, Артём назвал сумму.

Отец нахмурился:

– Не слишком ли твои запросы увеличились?

Парень улыбнулся.

– Расту, пап.

– Ну, коли растёшь, может, всё-таки пора взяться и за ум? То, как ты учишься, не поможет тебе поступить в институт.

– Зато ты поможешь. Ладно, па, мне на днюху другу.

– А у тебя есть друзья? – родитель покачал головой, оценивающе глядя на своего уже такого большого сына.

– Никита.

– Удивляюсь, как он тебя терпит, – мужчина полез за пазуху, достал кошелёк и отсчитал купюры.

– Спасибо, пап! – Артём просиял и, выхватив деньги из рук отца, вновь скрылся в комнате.

* * *

Они обошли все ближайшие торговые центры в поисках чего-либо подходящего. Оля советовала приобрести что-то из книг, настольных игр, ещё что-то подобного, но парень только отмахивался, считая это неинтересной ерундой.

– Я бы лучше купил ему бутылку качественного виски.

– Тём, ну сам подумай, зачем ему это надо? Никита противник спиртных напитков, да ему всего лишь семнадцать.

– Олык, как ты не понимаешь – совсем не обязательно пить сейчас. Зато представь как здорово – ты и я, мы распишемся на пузырьре, а на следующий год, когда он пойдёт в армию, вместе выпьем за его скорое возвращение.

Оля остановилась, возмущённо фыркнула.

– Что за бред? Никита собирается поступать в МГИМО.

Артём не ответил, только усмехнулся.

* * *

Когда Никита открыл нам дверь, я почувствовала, как у меня на миг замерло сердце, и, пока Артём шумно, со смехом и прибаутками вручал ему бутылку виски, я исподтишка разглядывала друга. Что в нем было сегодня особенного, за исключением того, что ему исполнилось семнадцать лет?

Может, то, что вместо привычной рубашки и брюк на нем голубые джинсы и белый джемпер, необычайно подходивший к его смуглой коже? Или незнакомый, слегка пряный запах парфюма? Или просто Никита стал старше, и в его взгляде, быстро брошенном на меня, читалось что-то другое? Мои щёки горели от смущения – он мой друг, всего лишь друг, которого я знаю как облупленного, с которым необыкновенно интересно, и которому я доверяю все свои мечты и секреты. Даже то, что я люблю Артёма.

После того случая на вечеринке мы с Никитой долго говорили об этом, и он взял с меня обещание прежде чем идти на подобные мероприятия, сообщать ему место и время. Знала, что он хорошенечко отругал Артёма, потому что тот ещё долго выглядел виноватым и заискивал передо мной.

– Лёль, чего застыла? Проходи. – Никита взял меня за плечи и подтолкнул к комнате. А затем шепнул на ухо: – Ты отлично сегодня выглядишь. – Он сто раз говорил мне это, но от его вкрадчивого голоса, такого интимного, мои щёки моментально вспыхнули. Стараясь не смотреть на его улыбавшееся лицо, молча протянула свой подарок. – Что это? – Никита надорвал обёртку. – Ого, какая красота, Лелька! – Это была книга, в поисках которой я облазила все крупные книжные магазины Москвы. Внезапно Никита наклонился ко мне, и его губы прикоснулись к моей щеке. – Спасибо, подружка.

– Ребят, чего встали? – Из комнаты показался Артём, на миг в его взгляде мелькнуло раздражение. – Ждут же только вас.

Маруся постаралась на славу, стол был великолепный: жаркое из баранины, какие-то булочки с мясом, зелень, салаты, овощи и свежие фрукты. Четыре бутылки шампанского возвышались среди закусок. Гостей было всего человек десять – ребята из секции по кикбоксингу, мы с Тёмкой и моя подружка Ритка.

– Садись рядом, – попросил меня Никита. – Ты же моя самая лучшая подружка.

– А как же Ритка?

Никита только улыбнулся и, потянув меня за руку, усадил на место рядом с собой. Моя подруга была давно влюблена в парня, и когда мы встречались, только и делала, что без умолку трещала о Никите.

– Твоя Ритка меня абсолютно не волнует.

Странная радость и облегчение заполнили душу. Почему-то мне не хотелось, чтобы Ритка интересовала моего друга. Я сама не знала почему – ведь была влюблена по уши в Тёмку. Может быть, глупое чувство собственности, ведь Никита – мой самый лучший друг, которого я не хотела ни с кем делить.

Маруся не стала долго задерживаться за столом – посидела полчаса и ушла в кухню, оставив молодёжь веселиться.

– Уф, теперь можно и расслабиться, – глаза Артема блеснули весельем. – Давайте, девчонки по шампусику, а у меня тут припасено кое-что покрепче. – Парень достал из-под стола бутылку водки. – Ник, тащи стопари. – Я видела, как Никита слегка поморщился, но поднялся и достал из серванта несколько хрустальных стопок. – Только не говори, что никогда не пил водяры, – засмеялся Артём, хлопнув друга по плечу.

Почему он всегда провоцирует друга на какие-то глупости? Ну и что, что не пил, разве питье алкоголя свидетельствует о мужественности? Хотела было остановить парней, когда Никита, взяв из рук друга бутылку, разлил по стопочкам.

– Скажу тост, – он оглядел присутствующих, его взгляд остановился на мне. – Хочу выпить за своих друзей. За любимых друзей. Желаю им в жизни научиться отделять зёрна от плевел и делать правильный выбор. – Он быстро опрокинул содержимое, не поморщился, затем взглянул на Артёма. – Уф, горяча... – пробормотал.

Я пригубила шампанское, язык закололи холодные пузырьки. Приятный вкус.

Незаметно за шумными разговорами и весельем мы уговорили почти все спиртные напитки. В голове у меня было легко, словно она стала невесомой. Я сидела, разглядывала гостей Никиты, улыбалась немного глупо. Кто-то включил музыку, и я повернулась к Артёму. Больше всего на свете хотела, чтобы он пригласил меня на танец, но к нему уже спешила Ритка.

Никита, сидевший рядом, слегка толкнул меня.

– Ты чего погрустнела? Не хочешь потанцевать?

Я отрицательно помогала головой.

– А я бы не прочь, – вздохнул, – только не с кем.

– Пригласи Ритку на следующий танец, – недовольно буркнула.

– Нет уж, посижу.

Парень пододвинул полупустую бутылку водки к себе и, налив в стопку, залпом выпил.

– Никит?

– Не обращай внимания, это для храбрости.

– Не знала, что ты чего-то боишься.

Он кивнул, уставившись взглядом в тарелку. Затем резко встал, едва не свалив стул, схватил меня за руку.

– Пойдём, поговорим.

Пока он тащил меня в свою комнату, я со смятением гадала, что Никита хочет мне сказать. Что такого, о чем мы никогда не говорили? Немного грубо втолкнул меня внутрь и, закрыв дверь, буквально распластал меня на ее поверхности. Ладонями оперся по обе стороны моего лица.

– Оль, я давно хотел тебе сказать, что ты мне нравишься. – Я нервно кивнула в ответ. – Ты обоим нам нравишься – Арту и мне.

– Никит, но ведь поэтому мы и друзья... – пролепетала.

Теперь смысл начал доходить до меня. Господи, он что, влюбился в меня? Словно прочитав этот вопрос в моих испуганных глазах, Никита резко выдохнул.

– Скажи мне да или нет, и я отойду в сторону. Или...

Его лицо было так близко к моему, я чувствовала его дыхание с лёгким запахом водки.

– Никит, ты мой друг. И всё. И, знаешь, Артём, наверное, прав, говоря, что ты перетягиваешь одеяло на себя, хочешь казаться лучше. Из-за этого Тёмка вечно влипает в дурацкие ситуации.

– Завидует мне? – усмехнулся.

Я кивнула. Прекрасно видела, что так оно и есть. Тому, что Никита учится без напряжения, что гораздо успешней в спорте и, конечно, тому, что я провожу с ним гораздо больше времени.

– Тогда почему ты смотришь на меня, будто хочешь, чтобы я тебя снова поцеловал?

Внутри вмиг все закипело. Я? Хочу, чтобы Никита поцеловал меня? Да что он о себе думает? Занесла уже руку, чтобы двинуть ему как следует, когда мой взгляд скользнул по губам парня.

Да это какое-то безумие! Воспоминания ураганом пронеслись в голове.

– Я тоже этого хочу... – прошептал он мне в губы, захватывая их в плен.

Его язык прошёлся внутри моего рта, соединился с моим, и я сама, не желая этого, начала отвечать. Я потеряла чувство реальности, окутанная туманом. Все, что я чувствовала и хотела – это губы Никиты и его руки на своих плечах.

Не знаю, что привело меня в чувства, но только я оттолкнула парня из последних сил.

– Нет, не надо этого. Никогда.

– Выбери одного из нас.

Я зажмурилась и на мгновение увидела перед собой лицо Артема, его небесно-голубые глаза, неуверенность в них.

– Никита, не делай так больше. Никогда. Мы с тобой друзья, а Тёмка... Тёмку я люблю.

10

*Беги от тех, в ком много зла и фальши:
Ведь от плохого надо быть подальше.
Алишер Навои*

Год спустя

Оля

Он тогда послушался. С того памятного дня от Никиты даже не было намёка на происшедшее – словно ничего не случилось, или он был так пьян от пары-тройки стопок водки, что ничего не помнил. Только осталась одна проблема – помнила я. Его взгляд, до одури горячий, его ладони на моих плечах, эти губы...

Нет, я была рада, что вовремя одумалась. Я мечтала стать девушкой Артема наперекор себе, наперекор уговорам Маруси. Да, в своё время я отказала парню, но сердце по-прежнему рвалось к нему.

Мы стали проводить больше времени вместе – ходили в кино на последние сеансы и, сидя на последнем ряду, шуршали попкорном и наслаждались близостью друг друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.